

ФЭНТЕЗИ
МАГИЯ

Михаил Михеев

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Фэнтэзи-магія

Міхаіл Міхеев

Призраки прошлого

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михеев М. А.

Призраки прошлого / М. А. Михеев — «Издательство АСТ»,
2022 — (Фэнтези-магия)

ISBN 978-5-17-153265-9

Черный континент одинаково ревностно хранит древние тайны и современные подлые секреты. Здесь легко могут схлестнуться магия прошлого и супероружие. И лишь ум, храбрость и дружба остаются неизменными спутниками тех, кто способен проникнуть в самое сердце Африки и живыми вернуться назад. По кишасей опасностями саванне и непролазным джунглям идет отряд молодых, полных энтузиазма головорезов. Те, кто ведет их, уже бывали в этих местах, сражаясь за ставшие ненужными идеалы и теряя друзей в чужих войнах. Но и дома жизнь кажется чересчур пресной, и вот они вернулись. Вернулись туда, где были молодыми, чтобы разгадать оставшиеся за спиной тайны. И теперь лишь от них самих зависит, победят они, или же там, куда стремятся, их ждут только грозящие смертью призраки прошлого!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-153265-9

© Михеев М. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

52

Михаил Михеев

Призраки прошлого

© Михаил Михеев, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Собирались, как под знамя,
На дорогу в никуда.
Лузитанскими крестами
Размалеваны борта.
«Под завязку» перегружен,
В ночь стартует самолет...
Ты Европе не был нужен,
И тебя с тревогой ждет
Африканская саванна –
жесткий росчерк ковыля,
Африканская саванна –
раскаленная земля.*

Алькор. Африканская саванна

Где-то в Центральной Африке

Они бежали. Изю всех сил, спотыкаясь о брошенные вещи, скользя на потертых керамических плитах. Аэропорт в свое время строили французы и справились с задачей неплохо. Во всяком случае, даже местные с их кривыми руками не смогли привести его в окончательно нефункциональный вид. Именно по причине заложенного строителями колоссального запаса прочности воздушные ворота столицы все еще стояли. Фасад из стекла и алюминия давным-давно превратился в крошево и месиво, а внутренние помещения все еще держались. Разумеется, перегородки, разделяющие помещения – фикция, гипсокартон, зато внешние стены сработаны отменно. Качественный железобетон неплохо держал выстрелы старых гранатометов, а единственный бывший у атакующих танк защитники аэропорта подбили еще во время первого штурма.

А сейчас те, кто укрылся в аэропорту, бежали по коридорам. Отставших не ждали, когда очередной толстяк, хрипя и держась за сердце, плюхался у стены, никто даже не оборачивался. Страх убивал эффективнее вражеских пуль.

– Сэм, Фрэнк, – высокий, но кажущийся коренастым из-за тяжелого бронезилета лейтенант-морпех остановился, – я предлагаю задержаться и поговорить с этими ублюдками.

Его подчиненные, все, что осталось от защитников аэропорта, переглянулись. То, что говорил лейтенант, было пропуском на тот свет. Но тогда у беглецов появлялся шанс – у дальнего терминала ревел двигателями русский самолет. И если они до него доберутся...

Даже без оружия и брони, даже связанный, один-единственный русский был для местных страшнее любой армии этого зачуханного континента. В доказательствах это не нуждалось, поскольку было вбито в подкорку, на уровне безусловных рефлексов. Русские и вбили, эффективно и безжалостно. Их боялись всерьез, и даже не потому, что они были запредельно круты. Нет, крутизну никто не отменял, но главное – за последние десятилетия русские привыкли стрелять, не задумываясь и не стесняясь. И никогда не прощали обид. А дикари это оценили – они вообще уважают силу. Поэтому ни одна пуля не будет выпущена в сторону русского само-

лета – за это можно и пару вакуумных бомб получить. А русский Большой Дедушка – это почти сто килотонн, перед применением которых военные не остановятся. Для них туземцы значат не более чем для самих американцев.

Но вмешиваться они не будут, нет. Это противоречит их принципам. Людей увезут, но останавливать штурмующих, чтобы дать беглецам время добраться до самолета, не станут. Кто не успел – тот опоздал, своих же граждан они вывезли еще неделю назад, когда проблемы только начинались.

– Без проблем, лейтенант, – Фрэнк огляделся, мигом определил позицию и начал устанавливать свой пулемет. Аккуратно, обстоятельно, как делал все в этой жизни. Иначе и быть не могло. Раз уж остальные погибли – значит, такова их планида, стать последним рубежом. Страшно, конечно, вот только они – морская пехота, а не разноцветный сброд, пошедший в армию лишь ради получения гражданства. Они – элита, и это обязывает.

Сэм лишь ухмыльнулся:

– Я с тобой, лейтенант. Постреляем обезьянок.

Учитывая, что предки Сэма были из Африки, может статься даже откуда-то из этих мест, звучало двусмысленно. Вот только цвет кожи – единственное, что было у них общего. Настоящий американец и настоящий морпех, горячо презирающий борцов за права всевозможных меньшинств, Сэмуэль Бартон устроился за бортиком давным-давно не действующего фонтана. Место удобное, трое остановят здесь целую армию. Пускай и ненадолго.

Но хотя местные и по интеллекту, и по образованию недалеко ушли от обезьян, кое-какими зачатками разума, основанного на инстинкте самосохранения, они все же обладали. Во всяком случае, после первой же очереди, отшвырнувшей назад самых нетерпеливых, желание переть в лоб на пулемет у них отпало. Сидели где-то за углом и громко переругивались – видишь мо, решали, кто виноват и что делать. Можно было попробовать достать их – теоретически пулемет должен прошивать эти стены насквозь. Но бить вслепую, когда патронов всего ничего... Нет уж, лучше подождать.

Стук шагов позади морпехов прозвучал неожиданно громко. Лейтенант обернулся – и с трудом удержал решившую опуститься ниже поясного ремня челюсть. По коридору, не скрываясь и никого не боясь, шли русские.

Их было двое, и выглядели они, как на картинках. На тех, что отпечатаны в наставлениях по ведению боевых операций. Ну, или в любимых комиксах Сэма. Практически неуязвимая для легкого стрелкового оружия броня – керамика, титан, кевлар. Футуристичного вида тактические шлемы. Экзоскелеты – с таким обычный человек может поднять тонну-другую или одним ударом кулака смахнуть чью-то глупую башку. В общем, крутое снаряжение, подобного у русских не так много. Но их самолет охраняли совсем не мальчишки-первогодки, а для серьезных подразделений снаряжение всегда найдут. Завершало картинку вооружение этой парочки – крупнокалиберный пулемет «Корд», который один из русских, тот, что повыше, небрежно забросил на плечо, и «калашников», нестареющая русская классика, у другого.

– Хэлло, парни! – поприветствовал американцев парень с «калашниковым». Почему парень? Да просто голос был совсем молодой, с таким ни за старца, ни за роденовского мыслителя все равно не примут. К слову, говорил он практически без акцента, что для славян само по себе достижение. – Вы что тут, до конца жизни сидеть планируете?

Тон был веселый, но ствол автомата как бы невзначай смотрел на американцев. Опытный, несмотря на молодость, и доверять никому за просто так не собирается. К слову, дырок с такой дистанции понаделает запросто. Русские консервативны, давным-давно есть автоматы куда совершеннее, но «калашников» с его мощным патроном и невероятной надежностью по-прежнему вне конкуренции, и не спасет от него никакой бронезилет.

– Думаю, да. А вы кто и откуда?

– А нас комроты послал. Говорит, нечего храбрым помирать, для этого труссы есть. Пошли.

– А...

Здоровяк с пулеметом сделал успокаивающий жест, шагнул вперед и проорал на скверном английском, что если хоть одна сволочь с той стороны дернется, он их сам, своими руками... Увы, дослушать не удалось – кто-то из местных, видимо, не счел угрозу серьезной и на куда лучшем английском, чем у русского, обругал его в ответ. Это он зря, конечно.

Лейтенант смотрел учебные фильмы и знал, что «Корд» – единственный в мире крупнокалиберный пулемет, который может вести огонь с сошек, будто обычный ручной или там единый. Но вот что его можно использовать прямо с рук... Вот это было уже откровением. И хотя умом лейтенант понимал, что заслуга тут не столько пулеметчика, сколько экзоскелета, все же повторить этот трюк бы не взялся.

Откровенно говоря, выглядело происходящее эффектно. Пятидесятый калибр¹ – вообще хорошая штука, особенно если он есть у тебя, а у противника его нет. Пули оставляли в стене дыры, в которые не то что кулак – голову просунуть можно, ушей не ободрав. Когда рев пулемета оборвался, наступившая тишина показалась оглушительной. А ведь всего-то на десяток патронов очередь. С той стороны молчали. Зацепили кого или нет – понять было трудно, да и неважно это, честно говоря. Уцелевшие явно лежали тихонечко и пукнуть боялись – вдруг услышат. Русский пулеметчик рявкнул, что если хоть один микроцефал осмелится шевельнуться в ближайшие полчаса, то он лично откроет ему башку, и махнул рукой – пошли, мол. И оспаривать его предложение никто не стал – в конце концов, местные и впрямь не помышляли больше о преследовании – страшно им было очень.

Уже покидая место боя, лейтенант позавидовал русским. В их стране знали, как реагировать на хамство, и не стеснялись делать это. Позавидовал – но мысль развивать не стал, не до того было. Если уж выпал шанс уцелеть, надо его использовать, и он бежал по коридору, наплевав на все остальное. Бежал – и надеялся, что самолет не взлетит, пока не примет на борт всех.

Когда они подбежали к выходу, посадка шла вовсю. Вроде бы неторопливо, но крайне деловито, без лишних телодвижений, а потому в очень хорошем темпе. Словно тут не русские командовали, а немцы какие-нибудь. Народу было... В общем, много. Но русские не зря подогнали военно-транспортный «Ил». Без удобств – но поместятся все. Лейтенант облегченно выдохнул и тут же оглянулся – не видит ли кто, что ему на самом деле страшно было до дрожи в коленях. Остальные, похоже, испытывали схожие чувства, и только русские по-прежнему выглядели безлико грозными и непоколебимо уверенными в себе. Хотя, возможно, заслуга в том не их, а шлемов с глухими забралами, не позволяющими рассмотреть выражения лиц. И именно в тот момент, когда лейтенант поверил, что все закончилось, события завертились с утроенной скоростью.

Одна из стен вдруг вспучилась пузырем взрыва. Тот, кто ставил заряд, явно знал свое дело – сравнительно тонкая перегородка отлетела прямо в толпу, и туда же пошла ударная волна. Людей раскидало, будто кегли, а через секунду в пролом хлынула потная, вонючая толпа аборигенов. Не иначе накурились чего-то, раз не испугались даже русских, успел подумать лейтенант, вскидывая штурмовую винтовку. Мысли текли как-то спокойно, будто бы параллельно тому, что здесь творилось. А еще параллельно скользнуло понимание, что остановить толпу, имея только легкое стрелковое оружие, не получится – они просто не успеют. К тому моменту, когда мысль оформилась, первый магазин уже опустел, и руки независимо от разума на полной автоматике вставляли следующий. И ясно было, что даже передернуть затвор он уже не успевает...

---

¹ Американская система калибров основана на долях дюйма. 50-й калибр – 0,5 дюйма, или 12,7 мм.

Их опять спасли русские. Крупнокалиберный пулемет гулко зарокотал, и поток огня смахнул нападающих, вымел их обратно за стену. Это было жутко – видеть, как пуля разрывает цель на куски, походя сворачивает башку второму, протыкает насквозь третьего и уходит дальше. Через какую-то пару секунд атакующих просто не осталось, только фрагменты тел да кровавые кляксы разных форм и размеров на посеченных осколками стенах. Хотя нет, кто-то все же уцелел.

Дикарь в рваном камуфляже с абсолютно безумными то ли от ужаса, то ли от наркоты глазами успел проскочить дальше остальных, что его, собственно, и спасло. Пытаясь его уничтожить, пулеметчик неминуемо зацеплял беженцев, а что может натворить пуля «Корда», все только что видели. И вот, уцелевший благодаря своей шустрости боевой обезьян держал сейчас перед собой девчонку лет десяти, закрываясь ею, будто щитом, упирал ей в висок ствол архаичного (а другого оружия в этих местах и не бывает) пистолета и что-то орал на своем тупом языке. Что – понятно без перевода. Наверняка «бросьте оружие, или я ее убью» или что-то столь же банальное. Идиот!

Действительно, идиот. В большом городе, с прессой и правозащитниками, подобное еще, может, и прокатило бы. Но не здесь и не сейчас. Русские, в общем-то, спокойно относились к гибели чужих гражданских. И уж, конечно, не станут посылать специально обученного психолога, дабы тот разрулил ситуацию, придя к устраивающему всех компромиссу. Они... Ну да, все правильно. Один из тех, что приходили за лейтенантом и его парнями, тот, который помельче, небрежным движением забросил автомат на плечо и зашагал в сторону незадачливого террориста, на ходу извлекая длинный тяжелый нож.

Что процесс идет совсем не так, как предполагалось, местный сообразил слишком поздно. Попытался развернуть пистолет в сторону угрозы – и не успел. Русский вдруг качнулся влево, вправо, уходя с линии прицела, а потом небрежно так взмахнул рукой и ловко подхватил девочку, освободившуюся от рук ставшего вдруг занятым совсем иными проблемами горевояки. Чем он был так занят? Да все просто, из последних сил пытался зажать рану на горле, из которой веером била кровь. Безуспешно, конечно – после такого не живут.

– Все-все, успокойся, – русский подхватил ребенка на руки. Ну да, русские вообще сентиментальны. – Все уже закончилось, никто тебя не обидит...

Лейтенант огляделся. Русский прав, действительно все закончилось. И не так даже страшно, как вначале казалось. Все же не настолько силен был взрыв, да и куски гипсовой плиты – это не обломки кирпичей. Разумеется, кому-то не повезло. Вон, одного, видимо, раненого подхватывают под руки, дабы помочь встать. Еще кого-то оттаскивают в сторону. Кстати, при этом не забыв проверить карманы. У женщины с оторванной головой забирают сумочку. Еще у одного, крупного мужчины в еще недавно дорогом, а теперь изорванном и грязном костюме вынимают из рук «дипломат», буквально выворачивая ручку из успевших заостенеть пальцев. Лейтенанту стало противно.

К счастью, времени для эмоций уже почти не осталось. Через пять минут посадка закончилась, и огромный самолет, набитый людьми так, что они буквально впрессовывались друг в друга, начал выруливать на взлетную полосу. Потом рев двигателей, разгон, да такой, что многие не удерживались на ногах, падая на соседей, и вот они в воздухе. Еще два часа без удобств – и они на базе русских ВВС. Там их покормили, разместили и, к удивлению лейтенанта, ни у него, ни у его людей даже оружия не отняли. А еще через неделю он уже докладывал полковнику Бассету о происшедшем, и по хмурому лицу старого вояки понимал – тот совершенно недоволен, что его подчиненный вольно или невольно сотрудничал с русскими. Лучше б ты сдох, читалось в его взгляде, но доставлять ему это удовольствие лейтенант не собирался.

Шестью годами позже

– Похоже, дело будет резонансное...

– Думаешь? – Иванов лениво зевнул. – А мне кажется, полная ерунда.

– Ерунда, конечно. Только вот либерасты, всем на свете обиженные, вой поднимут. Что у нас, что за бугром.

– И что с того? Нашим дубиной по хребту, ихним большой и красивый «фак». На том, в принципе, и все. Разве что прыгуны будут кричать, но их, сам знаешь, никто не спрашивает.

– Еще шпроты...

– Да, те заблажат наверняка... Ну и хрен с ними! Кого волнует их тонкая душевная организация? Закуска всегда чем-то недовольна, но это не портит аппетит медведя. Пошлем – утрусатся.

Лисицын вздохнул. В свете нынешних тенденций, скорее всего, так и будет. За последнее время посылать соседей в дальние далека, грозно бряцая при этом оружием, стало модным трендом. Это неплохо, но иногда напрягает. Впрочем, сейчас и в самом деле слишком мелкий повод для чего-то серьезного. Вот раньше...

Раньше орк был орком, а сейчас он, глядите-ка, оркоамериканец и никак иначе. И не понимает, что его право называться так и только так заканчивается аккурат на русской границе. В результате обиделся на то, что его угостили бананом, попытался дать в рожу нетолерантному студенту и получил сразу от пятерых. Вызвал полицию и подал в суд, уверенный, что, как и на родной Вашингтонщине, окажется прав уже исключительно в силу цвета кожи и формы черепа. Совершенно не подумав при этом, что драку-то начал он, и подтвердить это готовы полрайона. Даже те, кто ничего не видел.

В общем, получил орк три месяца исправительных работ и запрет на выезд из страны до выплаты штрафа и покрытия судебных издержек. Сейчас правозащитнички набегут...

Смешно, в России орки встречались. Редко, правда, и в основном полукровки – холодно им здесь. Это вам не морозоустойчивые гоблины, что, говорят, шаурмой даже в Заполярье торгуют. Но – встречались, и когда их называли орками, не кричали. А этот – ну надо же, американец! Ничего, посидит у параша – небось, поумнеет.

– Ладно, – Иванов заразительно, во весь рот, зевнул. Блеснули немного крупноватые для человека клыки – бабушка адвоката была как раз из гоблинов, оставив внуку, помимо чуть экзотической внешности еще и лишнюю болтливость. Заткнуть ее, как с детства помнил Лисицын, можно было разве что с помощью кляпа. Впрочем, последнее интернационально. – Все, я домой. Спать охота – сил нет.

– Давай, – махнул ему рукой Лисицын. – А у меня еще работа.

– Прими совет от старшего – шагай домой. Всю работу не переделаешь, а сейчас ты устал, и толку от тебя будет чуть. А еще лучше сходи к даме, развеяться после сегодняшнего точно не помешает.

С этими словами Иванов заговорщицки подмигнул и скрылся в мягких кожаных недрах своего авто. Короткий породистый рык мотора, и престижнейшее детище немецкого автопрома рвануло с места, будто пришпоренное, оставив Лисицына мучиться сомнениями. Впрочем, недолгими.

Действительно, в словах Иванова был смысл. И, главное, внутренние позывы организма утверждали: поесть, выпить пива и поспать – это самое оно. Насчет женщин, кстати, тоже, но, увы, не в его нынешнем положении. Так что – домой! Навстречу обеду и койке, где можно как следует выспаться.

Все же до уровня Иванова ему было далеко. И в профессии, и в благосостоянии. Во всяком случае, отечественный автомобиль не уступал «немцу» габаритами, но выглядел куда менее презентабельно. Ну и черт с ним, зато свой, и не надо пешком тащиться или такси ловить. Да и на рыбалку выбираться куда проще. Лисицын сел в кресло, завел мотор, на миг задумался.

Да уж, все течет, все меняется. Чуть больше ста лет назад мало кто верил, что примитивные механические кадавры смогут хоть немного потеснить магию. И что теперь? Ковер-само-

лет можно найти разве что в музее, зато автомобилей полные улицы. Драконы остались или в каких-нибудь особо отдаленных горах, или в зоопарках, а самолеты и вертолеты плодятся бешеными темпами. Наконец, даже во времена своего расцвета никакая магия не помогла человеку добраться до космоса. А ракеты, в которой этой самой магии не было ни капли, смогли.

И так во всех отраслях. Где заметней, где подспудно, магия постепенно заменялась технологией, уходя на второй план. Не потому, что она была хуже – просто технология доступнее и дешевле. И как бы ни кривили носы эльфы, заявляя, что лишь мощь и величие магии отличают разумное существо от дикаря, сами они давно уже пересели на все те же автомобили с самолетами, протянули себе интернет... А их магическое вмешательство во все это свелось лишь к тому, что вместо микроволновок у них магические печи, работающие, к слову, по тому же принципу, только хуже.

Автомобиль Лисицына влился в городской поток, будто капля воды в стремительную горную реку. К счастью, их провинция – это не Москва с ее запредельным трафиком, но тоже ничего себе. Все бухтят, что живем плохо, желчно думал Лисицын, отчаянно втискиваясь между солидным и вальяжным «мерседесом» и юрким «пежо». На улице от дорогих машин не протолкнуться, и это, на минуту, в рабочее время, а все на нехватку денег жалуются. Если в три горла жрать, то конечно, никаких денег не хватит... Ах ты ж!

Возмущенно бибикнув какому-то жлобу, попытавшемуся его подрезать, Лисицын еще раз крутанул руль, сворачивая на тихую боковую улочку, чтобы спустя минуту, преодолев выглядящий как после бомбежки асфальт собственного двора, припарковаться напротив подъезда. Все, на сегодня день закончен.

Во дворе было тихо и спокойно. Он сегодня приехал первым, а потому не было ни толчеи на стоянке, ни алкашей (хотя этот типаж с улиц и без того уже практически исчез), ни даже вездесущих и, такое впечатление, бессмертных старух на лавочке, решающих, кто в подъезде наркоман, а кто проститутка. Лепота! Разве что двое полицейских со смутно знакомыми лицами неторопливо идут, о чем-то жарко споря.

Лисицын присмотрелся – ну да, так и есть. Оборотни – их неохотно берут в армию, очень уж вспыльчивы и не любят дисциплину, зато без проблем в полицию, все же и сила, и выносливость, и нюх... Как определить, какой оборотень круче? Тут все просто, надо посмотреть на погоны. Но эти двое оба были в сержантских званиях, так что крутизной не отличались. Хлопнув дверью машины, Лисицын просто направился домой, не обращая на них внимания. Было бы на кого.

У соседнего подъезда кипела работа – переделывали навес, за прошедшие годы приобретший совсем уж непрезентабельный вид. Судя по темпам, гости из зарубежья вкалывают. Не зря говорят, что души муравьев после смерти переселяются в молдаван. Судя по работе, так и есть – активно и довольно бестолково. Впрочем, их проблемы, мысленно отмахнулся Лисицын, бодро поднимаясь по лестнице – не жаловал он лифты.

Родная квартира встретила его запахом свежих булочек и громом музыки. Бедные соседи... Впрочем, черт с ними, время еще законное. Лисицын вздохнул и громко крикнул:

– Маш! Машка! Ты дома?

Вопрос был риторический, но реакции на него Лисицын добился. Из полуприкрытой двери высунулась взлохмаченная голова, тут же скрылась обратно, еще через секунду музыка стихла, а затем на Лисицына налетел черноволосый вихрь и повис у него на шее.

– Сережка! Вернулся!

Вот так. Совсем недавно была такая милая девочка, а теперь вполне себе шестнадцатилетняя зараза. Любительница пошуровать на кухне (к слову, со вполне съедобным результатом), послушать музыку во всю мощь, с цветом волос поэкспериментировать да погонять на его мотоцикле, натянув косуху... И вообще у нее затянувшийся переходный возраст! Это ж понимать надо.

– А что, были сомнения? – Лисицын аккуратно отцепил ее, подбросил к потолку. К слову, в детстве это сделать было куда проще. Все же Машка хоть и не толстуха, но свои полста кило в ней есть. – Привет, мышка на севере... А теперь отвечай, как на духу: будут героического меня кормить, или как?

– Будут, конечно! – девчонка тут же переключилась на роль хозяйки. – Руки мыть – и к столу. Наверняка опять за весь день стакан кофе и бутерброд?

Возразить было нечего. Лисицыну оставалось только покаянно развести руками и направиться в ванную. А там, недолго думая, врубил душ. Как ни крути, а садиться за стол потному и грязному после рабочего дня – моветон.

– Слушай, мне тут из школы звонили... – сказал он четверть часа спустя, с аппетитом наворачивая борщ. – Догадываешься, из-за чего?

– Опять математичка? – безнадежно спросила девушка. Лисицын ее понимал. Ну вот бывает, не лежит душа к чему-то. В данном случае к математике. А искренняя убежденность математички в том, что нет неспособных, а есть ленивые, приводит иной раз к эксцессам.

– Нет, не она. А что, должна? Опять ты ей лягушку в сумку подложила?

– Да нет... вроде, – как-то неуверенно ответила Маша, из чего Лисицын заключил, что лягушка все же была. – А кто звонил? Физик?

И к физике тоже у нее душа не лежала. Правда, в их школе такой физик, что предмет легче самостоятельно выучить. Слабоват как специалист и никакой педагог, чего уж там.

– Нет, не физик. Звонила твоя классная. Хочет отправить тебя на республиканскую олимпиаду. Спрашивала, не против ли я. А я задаю вопрос тебе: хочешь ехать или нет?

Девчонка задумалась, и Лисицын ее понимал. С Марь Ивановой сложно найти общий язык, а ее расположение к ученику проявляется в том, что любимчиков она гоняет вдвое больше. Уж что-то, а это Лисицын помнил по себе и только позже, закончив школу и с головой окунувшись во взрослую жизнь, начал понимать, что оказался по сравнению со сверстниками в привилегированном положении. Банально потому, что уровень знаний по предмету соответствовал практически институтскому курсу. Очень похоже, здесь и сейчас наблюдалось нечто похожее.

С другой стороны, учиться у нее было по-настоящему интересно. Хотя бы потому, что учитель теоретической магии, в отличие от коллег, частенько выходила за рамки школьного курса, показывая варианты практического использования знаний. Не положено, конечно, однако она, на свой страх и риск, выбивала время на полигоне и таскала класс туда. С ней пытались бороться, но, учитывая, что у Марь Ивановны когда-то училась половина городской администрации, дело это выглядело абсолютно пустым и безнадежным. Так было раньше – так осталось и сейчас. В общем, Маше было о чем подумать.

Она и подумала. Несколько секунд барабанила кончиками пальцев по краю стола, затем спросила:

– А я вытяну?

– Все от тебя зависит. Хотя подозреваю, именно сейчас вытянешь.

– Почему?

– Ну, ты волосы в черный цвет покрасила. Искусственный интеллект сделала, так сказать. За неимением естественного, а?

– Что? Ах ты...

В следующий момент Лисицын обнаружил, что лежит спиной на полу, а сверху его азартно душат сдернутой с дивана подушкой. Учитывая, что он мог справиться с наглой девчонкой одним щелбаном, занятие это выглядело малоперспективным. Ну да если нравится, то пусть ее...

– Кстати, – поинтересовалась Маша, когда покушение на жизнь главы семейства наконец закончилось. – Я тут в твой комп заглянула...

Лисицын безнадежно вздохнул. Вот почему для того, чтобы получать в школе пятерки по математике, у нее способностей нет, а чтобы походя взламывать любые пароли, имеются? Что-то он не понимает в математике, честное слово.

– И?..

– Кто та лахудра, что тебе письма шлет? У нее же на лице недостаток хромосом зубилом выгравирован.

– И ничего там с лицом особенного нет. Вполне симпатичная девушка, – Лисицын тихонько вздохнул про себя. Оксана на самом-то деле была вполне красивой, хоть сейчас в фотомодели, но интеллектом и впрямь не блистала. Как, впрочем, и большинство фотомоделей реальных. – И вообще, что ты имеешь против моей личной жизни?

– Ничего. Совершенно ничего. Но ведь дура же она, правда?

– Правда... – Лисицын вздохнул, на сей раз не таясь. Отрицать очевидное глупо.

– Вот ты мне скажи. Умный вроде бы, должен знать. Почему мужчин так тянет к дурочкам?

– Это элементарно! Самая обычная физика – пусто та засасывает.

– Ага. А потом случаются эксцессы. Вроде того, что у вас был на прошлой неделе.

Лисицын снова вздохнул. Действительно, не в бровь, а в глаз. И все от недостатка мозгов. И избытка гормонов, обильно политых дешевым пивом.

Где-то девушки не поделили парня. А где-то, наоборот, поделили. С помощью топора. Потом девки каялись, слезы ручьями лили. А ему, Лисицыну, возись, труп осматривай. Маразм. Хотя, конечно, познавательное.

– Ну, что делать, если девушки делятся на умных и красивых? Оно, конечно, умные тоже неплохо, но крокодилы с лишним весом... В общем, бодипозитивные мне как-то не очень нравятся.

– Бодипозитивные... – Машка смешно прикусила губу. – Как изящно сейчас называют жирных толстух.

– Ну, это не я придумал, – начал было Лисицын, однако трель звонка прервала его оправдания. И пришлось тащиться за оставленным в кармане телефоном, чувствуя спиной победный взгляд вредной девчонки. И слыша вслед:

– Помни, если женщина весит больше ста кило, Бог думает, что она уже нашла вторую половинку. И никого ей не пошлет. В особенности тебя, красавчик.

– Тьфу, – в сердцах признал свое поражение Лисицын и, нашарив, наконец, телефон зло гаркнул в трубку: – Слушаю!

– Сергей Павлович?

Голос «на той стороне провода» был сух, и по интонациям было сложно судить, задают вопрос или же, напротив, констатируют факт. Лисицын хорошо знал такие голоса – не раз и не два приходилось слышать. Впрочем, само по себе это не значило ничего – ни хорошего, ни плохого.

– Ну я. С кем имею честь?

– Завтра к восьми часам...

Лисицын молча сбросил вызов, но трубку убирать не стал. Буквально через минуту звонок раздался вновь, однако хотя голос был тем же, звучал гораздо любезнее:

– Сергей Павлович, Моя фамилия Кобрин. Виталий Семенович Кобрин, представляю МИД. Вы можете завтра к восьми утра прибыть к нам в офис?

Судя по тону, этому чудику сделали хороший втык. И кроме того, разговор слушает еще кто-то. Как минимум тот, кто этого Кобрин сейчас натянул по самые помидоры. Не зря же такой вежливый стал. Лисицын усмехнулся:

– Не могу. Потому что для этого мне придется встать на час раньше.

– В смысле? – Кобрин оказался не готов к такому повороту. Ну, явно мелкая сошка из тех, что принеси-подай, опыт в разговорах еще не имеющая.

– В прямом. К этому времени все едут на работу, пробки жесткие. Оно мне надо, в них стоять? И еще, оно мне надо: у начальства отпрашиваться? Знаете ли, я работаю, а опозданий никто не любит.

Повисла короткая пауза. Видимо, там быстро определялись с вопросом, а затем Кобрин, в голосе которого, несмотря на образцово-показательную вежливость, проскакивали нотки раздражения, выдал:

– Тогда к десяти. С вашим начальством мы договоримся сами. Устроит?

– Да. Какую пришлете машину?

Это было уже наглостью, но из короткого разговора Лисицын успел понять: этим умникам он явно нужен больше, чем они ему. Так что пусть крутятся. И Кобрин не обманул его ожиданий, моментально решив вопрос с транспортом. Что же, неплохо для начала.

– Кто это был? – спросила Маша, когда он вернулся на кухню.

– Да так...

– И все же? Судя по твоему лицу, не твоя очередная пассия, а?

Что же, в пронизательности ей было сложно отказать. Пришлось объяснить ситуацию. Девушка задумчиво поджала губы и вынесла свой вердикт:

– Съезди, хуже не будет.

– А то я не знаю...

– И имей в виду. Этого хмыря ты оскорбил. Шестеркам не нравится, когда им указывают на их место в жизни. А обиженный дятел может постараться наделать тебе гадостей.

В ее словах была немалая толика смысла, но Лисицын не слишком обеспокоился – у мелкой рыбешки и зубы соответствующие. Оскалиться может, зарычать – уже вряд ли. Поэтому он и не отреагировал, в общем-то. Лишь рукой махнул:

– Ерунда. Видали мы педиков и симпатичнее. Ты лучше вот что... Бабушка тебя просила завтра к ней подъехать.

– Дача, – скривилась девушка.

Лисицын ухмыльнулся:

– Ну да, она самая. Я все вскопал, картошку посадил. Один, заметь. Но уж с огурцами-помидорами как-нибудь без меня. Тем более у тебя каникулы.

– Ну-у...

– И не смотри на меня, будто котик из «Шрэка». Не поможет, сама знаешь – у меня к таким взглядам давно иммунитет. Так что завтра утром ноги в руки – и вперед!

– Там скучно! А у соседей крысы развелись.

– И правильно сделали. Я вообще никогда не верил в серьезность их отношений.

– Блин! Ну почему я?

– Потому что я и так за последний месяц вымотался. Дайте мне точку опоры – и я усну стоя. Все, прямо с утра езжай. Можешь взять мою «Ямаху».

– Правда? Спасибо, спасибо, спасибо!

Уворачиваясь от поцелуев в обе щеки, Лисицын мысленно улыбнулся. Ну вот, а говорят, с подрастающим поколением трудно найти общий язык. Ничего особенного, просто надо знать слабые места. И если Машке так нравится гонять на мотоцикле, пусть она поездку воспринимает именно как возможность промчаться десяток-другой километров с ветерком. Водит она отменно, права он ей сам сделал, благо есть, к кому обратиться. Все, минимум до завтрашнего вечера она там. Заодно перед местными пацанами сможет пофорсить, а то все одна и одна – для шестнадцати лет это ненормально. И вообще, сходить на танцы куда нормальнее, чем каждый раз начинать день с минуты ворчания...

В местное представительство МИДа он вошел ровно в десять утра. Смешно, Лисицын даже не знал, что в их городе есть что-то страшнее паспортного стола, но, оказывается, в левом крыле здания, которое занимала ФСБ, расположились дипломаты. Что характерно, имея отдельный вход. Крайне неприметный, мимо проходя, легче всего представить, как через него ходит дворник или разносчик пиццы. Всего и достоинств, что выглядит аккуратно.

Тем не менее, входя, Лисицын обратил внимание еще на одну деталь – немалую толщину двери. Снаряд не выдержит, конечно, а вот очередь из автомата – вполне. И внутри хватило беглого взгляда, чтобы понять – проем легко перекрыть металлическим листом или решеткой. Кто бы ни обустроивался здесь изначально, доверять людям он не стремился. И правильно, наверное.

Парень чуть моложе Лисицына, тот самый Кобрин, уверенно топал впереди. Единственный охранник, внешним обликом поразительно напоминающий приснопамятную бабулю с огурцом в кобуре, а внимательным взглядом овчарку, равнодушно скользнул по нему взглядом, а вот Лисицына рассматривал куда более внимательно. Однако же останавливать и задавать какие-либо вопросы даже не пытался. Видать, получил соответствующие инструкции.

Короткий, не более пяти метров, коридор. Дверь направо, дверь налево и третья – прямо. В нее они и вошли.

– Здравствуйте, здравствуйте, уважаемый Сергей Павлович, – навстречу им из-за стола поднялся, улыбаясь, гладко выбритый темноволосый человек неопределенного возраста в дорогом, идеально пригнанном костюме. Невысокий рост и очень широкие плечи намекали, что где-то в роду, не особенно и далеко, в его семье затесался гном. Ну, Россия – страна нетолерантная. Здесь тебе в лицо скажут, кто ты и что ты, но зато и полукровками в России никого не удивишь. – Рад приветствовать вас в нашей скромной обители.

– Не могу ответить тем же.

– Ну почему же? – улыбка была искренней, но вот глаза... Чем-то они напоминали глаза медведя-шатуна, которого этой зимой Лисицын застрелил буквально в десятке километров от города. Поворачиваться к такому спиной уж точно не стоило.

– Потому что не знаю, зачем меня вызвали.

– Пригласили...

– Если бы вы меня пригласили, вряд ли мой босс сегодня выглядел бы таким злым и одновременно испуганным. И только по результатам нашего разговора я пойму, был ли приятным мой визит.

– Аплодирую вашей логике.

– Жизнь научила.

– И вашему чувству юмора.

– А вот это уже профессиональное.

– О да, – рассмеялся хозяин кабинета. – Наслышан. Ну, ладно, – тут он резко посерьезнел. – Давайте тогда перейдем к делу. Я – Бестужев Виктор Георгиевич, и в ближайшее время вам предстоит работать под моим началом.

– Если я соглашусь, – меланхолично заметил Лисицын.

– Ну, разумеется. Однако же, сколь я успел вас изучить, вы согласитесь. Ведь вам невыносимо скучно здесь, а, Сергей Павлович? Я прав?

– Возможно.

– Ну, зачем прятать голову в песок? Страус из вас так себе.

– Думаете, почему страус прячет голову в песок? Он там втихомолку с кротами бухает.

– Очень смешно, – без улыбки прокомментировал Бестужев. – Пытаетесь вывести меня из себя?

– Я еще даже не начинал. Но могу. Все равно мой шворц больше вашего. Или не верите?

– Да, меня предупреждали, что вы... сложный человек.

– Нет, я очень простой. Но сейчас я вам нужен, а вы мне пока – нет. Так почему бы и не поглумиться? Впрочем, давайте перейдем к делу. Отнимать друг у друга время – занятие бесперспективное, меня еще работа ждет.

– Х-ха. Что ж, я, кажется, понял. Ладно, давайте зайдем с начала.

– Вначале было слово. И это будет долго.

– Тогда с середины. Итак, вы – Лисицын Сергей Павлович. Родились в семье потомственных медиков. В детстве показывали крайне высокие результаты. Настолько, что школу закончили в пятнадцать лет с золотой медалью. Учителя отмечали высокую склонность к магии, но вы предпочли идти по стезе родителей и подали документы в медицинский институт. Поступили, набрав не высший, но весьма приличный балл, после чего достаточно успешно проучились три года. Пока все верно?

– Да.

– Очень рад. Итак, в восемнадцать лет вы бросили учебу и ушли в армию. Кстати, а с чего такая любовь к родине и желание отдать гражданский долг?

– Это мой вопрос.

– Ну, разумеется. Рост у вопроса был сто семьдесят два сантиметра, модельная внешность и рыжие волосы. Впрочем, это сейчас не столь важно. В армии вы служили в Отдельной Африканской десантно-штурмовой дивизии, основное место базирования Севастополь, участвовали в боевых действиях. Награждены орденом Мужества и медалью «За отвагу». За что, не расскажете?

– Посмотрите в архиве, если интересно.

– Увы, данные закрыты.

– В таком случае вы сами понимаете, что я ничем не могу вам помочь.

– Логично. Что ж, продолжим. Вы отслужили три года, вернулись... Кстати, а почему три?

– Остался на контракт, но получил ранение, после которого меня комиссовали.

– Серьезное?

– Не особенно, но очень длительный период восстановления. Если бы не мои способности к магии, я бы восстанавливался еще лет десять.

– Понятно. Я так подозреваю, ваш орден...

– Да, я получил его в госпитале.

– Итак, вы вернулись из армии. Восстановились в институте, доучились и уже год работаете патологоанатомом в нашем МВД. Кстати, как вас туда взяли?

– У них не было выбора. Никто к ним идти не хотел, а тут целый орденосец.

– Любите охоту, рыбалку, прыгаете с парашютом. Дань десантному прошлому и нехватка адреналина в крови. Три месяца назад задержали опасного преступника. Попутно сломав ему челюсть. В общем, тяготит вас мирная жизнь, и поэтому я предлагаю вам работу.

– Вам надо вскрывать трупы непосредственно в посольствах?

– Нам требуется, чтобы вы съездили в Африку, в те места, где шесть лет назад обеспечивали посадку беженцев в самолет.

– Не понял...

– Готовится совместная операция с представителями... гм... нашего вероятного противника. Секретная операция. С их стороны выразили желание, чтобы участвовали именно вы.

– И чем же обязан?

– Человек, который пойдет от них, сказал, что вы спасли ему жизнь.

– И потому он искренне считает, что я полечу в эту задницу мира? Не-е, я на орков посмотрелся еще тогда, больше желания не имею.

– Разумеется, мы не можем вам приказывать, но...

Ручка заскользила по бумаге, потом стикер перекочевал к Лисицыну. Тот посчитал количество нолей, удивленно приподнял брови:

– Однако...

– Это аванс. В случае успешного проведения операции цифра будет такой же, но один нолик прибавится.

– И, я так понимаю, за это мне надо будет живьем притащить сюда Люцифера? Сумма, в общем-то, соответствует.

– Нет, все проще. Ничего для человека с вашей подготовкой невозможного. Честно говоря, я предпочел бы не терять время, уговаривая вас, а послать несколько парней из... гм... нашей службы. Но – увы и ах, условия американцев вполне конкретные, а первую скрипку играют они. До поры до времени. Поэтому и пришлось искать, куда вы исчезли.

– Вроде бы и не пытался.

– Поэтому и найти вас удалось быстро. Тем не менее приказать вам мы сейчас не можем. Но... у вас родители, точнее, мать, которой скоро на пенсию. А ведь ей нужно помогать. Плюс младшая сестра, которую надо поднимать, да и сами вы не прочь пожить на широкую ногу. Поэтому вам предлагается решить все вопросы разом. Конечно, риск, но вам не привыкать.

– Детали?

– Детали, уж извините, после вашего согласия.

Лисицын посмотрел в честные-пречестные глаза собеседника. Те, кто верит дипломатам, живут нехорошо и недолго. С другой стороны, кое в чем он прав – сидеть на заднице ровно надоело уже до оскомины.

А еще надоела вечная финансовая яма. Нет. Платили-то вроде и неплохо, но когда тянешь семью один, денег постоянно хватает впритирку. Здесь же появлялась возможность разом привести дела в порядок. Сумма впечатляла. Равно как и понимание того, что просто так, ни за что, такие деньги не предлагают. Стало быть, риск будет серьезный. Как там у классика? «Вот и квартира, – подумал кролик. – Вот и пообедал, – подумал удав». Мертвым деньги не нужны. Ладно, попробуем иначе.

– Я вас понял, Виктор Георгиевич. И все же окончательный ответ дам лишь тогда, когда буду знать эти самые детали. Подписку о неразглашении, если что, напишу – у меня их все равно как блох на собаке. Одной больше, одной меньше... А теперь выбор за вами.

– Сереж, ты уже вернулся?

– Да, мама, – Лисицын мысленно чертыхнулся. Нет, мать свою он любил, и даже очень. В особенности после того, как умер от сердечного приступа отец. Прямо за операционным столом. Как медик, Сергей понимал, что если бы ему оказали помощь немедленно, то были неплохие шансы остаться в живых. Вот только профессор Лисицын не стал прерывать операцию, иначе пациента, скорее всего, уже не спасли бы. Доработал до конца, потом спокойно, обычным голосом сказал «зашивайте», сел в уголке на стул и почти мгновенно умер. Никто в первый момент и не понял даже. А мальчишка, которого он оперировал, остался жив и здоров. Сергей его до сих пор подсознательно ненавидел.

В тот момент он и осознал, что по-настоящему близкий человек у него остался всего один. Еще бабушка и сестра, конечно, но они не в счет. Бабушка, женщина не в меру современная, практически не принимала участия в воспитании внука, а потому даже сейчас осталась как бы в стороне, сестра же – это нечто иное. Так что, как ни крути, мать оставалась для него самым близким человеком в этом мире.

И все же когда она не просто приходила, а в отсутствие хозяина начинала активно наводить порядок в квартире, Лисицына это бесило. Вот только духу сказать ей об этом у него не хватало. Оставалось терпеть.

– Это замечательно, – мать вышла из кухни, вытирая руки полотенцем. – Скажи, когда же я тебя наконец приучу к порядку?

– Машка к бабушке уехала, вот и...

– А ты не оправдывайся. Хозяйство на девчонку свалил – так думаешь, кружки мыть не надо?

Опять старая песня. Лисицын кивал, привычно фильтруя слова матери, как белый шум. Все равно пока не выговорится, не закончит. Да и, честно говоря, не слишком она злоупотребляла молчаливостью сына. Пара минут – это можно и потерпеть.

– ...и вообще, пора тебе семью заводить. Не мальчик, чай.

Ну вот, опять знакомая песня. Привычная до оскомины.

– Как только – так сразу, мам. Из командировки вернусь – тогда и буду думать.

– Какой опять командировки?

Ну вот. И кто, спрашивается, за язык тянул? Ладно, придется импровизировать.

– Мам, ну ты мне скажи, где я работаю? В полиции я работаю. И у меня иногда бывают командировки. Нет, не в горячую точку, у нас их сейчас нет. В глухую провинцию. Там своего эксперта нет...

– Ты – патологоанатом.

– Я работаю в полиции, а значит, вынужден быть специалистом широкого профиля. Мам, да успокойся ты. Я уже три года никуда не ездил. Даже на море.

И не соврал, к слову. Действительно, специалист широкого профиля. Теоретически, во всяком случае. Африка – она вся глушь и провинция. Особенно после того, как ближневосточные монархии приказали долго жить. К тому же Африка – не Россия, там куча самостоятельных государств. Теоретически самостоятельных. И официально не горячая точка, поскольку тех, кто пытается сделать что-то громкое, тут же наказывают ударом чего-нибудь тяжелого по тыковке. Бывает, что и с воздуха, дезинфицируя до кучи пару-тройку квадратных километров до состояния шлака. Так что бандитов в тех местах куча, а вот чего-то официального и крупного – извините. И да, он дальше бабушкиного огорода и впрямь давно не выезжал. Ни времени нет, ни денег.

– Море, море... – недовольно пробурчала мать. Хотя, конечно, она сейчас работала на публику – окунуться в теплые соленые волны и сама бы не отказалась.

– Именно так. И вообще, у меня морская болезнь.

– В смысле?

– Я в тысяче километров от моря. И мне плохо...

Мать рассмеялась:

– А поехали!

– Поедем, конечно. Всей семьей. Получу командировочные, отпуск возьму, тоже добавится – и рванем.

– Ох, с твоими отпускными...

– Ерунда, наберу, – и, окончательно переводя разговор на другую тему, спросил: – Кстати, видела прикрытую лавочку?

– В смысле?

– Ну, когда на бабуль у подъезда бетонная плита сверху падает. Нет? А я вот видел...

В общем, рассказал страшилку, пусть и случившуюся в реальности, а потом пришлось успокаивать мать почти весь вечер. Очень уж она впечатлительная. Затем ехать к ней, потому как не идти же ей пешком да в темноте. О том, что в городе есть такси, она, естественно, и слушать не хотела. Потом остаться у нее поужинать, что, в общем-то, было неплохо – готовила мама здорово и без склонности к экзотическим ингредиентам, как сестра. Ничего удивительного, что домой Лисицын вернулся уже часам к двенадцати. А ведь утром был назначен вылет!

Что же, не в первый раз, и руки еще ничего не забыли. Брать только самое необходимое, остальное предоставят на месте. В его положении это нормально. Три часа сна тоже – Лисицын поваляться в койке любил, но при нужде умел довольствоваться малым. Так что утром в аэропорт он приехал бодрым, но не особенно выспавшимся и потому злым.

– Доброе утро, Сергей Павлович, – Бестужев выглядел бодрым и веселым. Не поймешь, то ли и впрямь успел выспаться и отдохнуть, то ли по долгу службы умел хорошо владеть собой. Уныло маячивший рядом с ним Кобрин выглядел полной противоположностью шефа. Ну да, чуть злорадно подумал Лисицын. В таких ситуациях командир решает стратегические вопросы, а тысяча выматывающих мелочей ложатся на плечи таких вот мелких сошек – порученцев, ординарцев, заместителей. И, при внешней незаметности их усилий, выматывает такая работа страшно.

– И вам не болеть.

– Готовы?

Лисицын молча кивнул, получил билет и вздохнул. Нет, что они летят обычным, пассажирским рейсом, он понимал. Никто спецборт заказывать не будет. Во-первых, не बारे, а во-вторых, сам по себе он привлечет внимание. Но вот хотя бы взять билет в бизнес-класс могли бы. Ладно, плевать, тут лететь часа три, не больше.

– Серега, ты ли это?

Вот, блин! Жорка Махлаков. Несмотря на фамилию, еврей, даже морда классическая. Рядом умопомрачительная блондинка. Об заклад можно биться, эльфийской крови в ней не меньше половины. Да уж, женщин бывший сокурсник подбирать всегда умел – и убалтывать получалось, и кошелек толстый.

Да-да. Похоже, ничего не изменилось. Они учились вместе еще до африканской эпопеи Лисицына. И крепко не ладили...

– Я, я.

– Оба-на! Ну, ты герой! Наслышан, наслышан. Как жизнь?

– Не хочу тебя расстраивать, но у меня все хорошо.

– Да, я заметил. Юмор, во всяком случае, все такой же дебильный.

– Какова профессия – таков и юмор.

– Ну да, ну да. Привык в армии с трупами работать – теперь это дело оставить не можешь?

– А ты, говорят, в гинекологи, как папаша, не попал – так в проктологи подался? Чтоб, значит, руки в тепле? Так иди по месту работы.

– Ха-ха! Очень смешно.

– Иди, иди, я резкие запахи не люблю.

– Да я тебя...

– Что именно? В задницу полезешь или в рыло дашь? Если в рыло, то я тебе нос на затылок пропишу, и все подтвердят, что ты первым начал. А к заднице своей, уж извини, я тебя на пушечный выстрел не подпущу – есть сомнения в твоей ориентации. Все, двигай булками, покемон.

Махлаков не нашелся, что ответить, презрительно фыркнул и направился к стойке регистрации. Бизнес-класс... Ну, может, и к лучшему, что лететь придется как простому смертному – хоть без неприятного соседства обошлось. Но, что интересно, спутница Махлакова обернулась и подмигнула – очень похоже, натуру Жорика она давным-давно раскусила и сейчас получает неприкрытое удовольствие от ситуации. Интересно, каково это, когда тебя презирует даже собственная содержанка?

– Вы закончили? – вернул Сергея к реальности голос Бестужева. – Откровенно говоря, я бы на вашем месте постарался не привлекать столько внимания.

– Я веду себя, как обычно. Меня не трогают – я не трогаю. И делаю это искренне, безо всякой игры. Нет игры – нет и привлечения внимания.

– Ну-ну, – вряд ли Бестужеву понравился ответ, но от дальнейших комментариев он воздержался.

Зато самолет порадовал. Новенький, муха не сиживала – в последние годы авиапром, наконец, вылез из многолетней задницы и наращивал производство. Авиакомпании же обновляли парк своей техники – во-первых, вышел запрет на покупку самолетов, бывших в употреблении, эксплуатировавшихся ранее за рубежом. Хочешь покупать – да пожалуйста, но только новенький, с завода. Учитывая цены на такие самолеты, мало кому они были по карману. Во-вторых, государство лоббировало покупку отечественной техники, подключая как финансовый ресурс в виде льготных кредитов, так и административный. Впрочем, это общемировая практика, так что здесь Россия просто держалась в негласном, но модном тренде. Неудивительно, что доля новеньких отечественных самолетов неуклонно росла.

Кресло оказалось неплохим. Конечно, сиживали мы и получше... Но в основном похуже, самокритично подумал Лисицын, вспомнив жесткие лавки вертолета и нутро военно-транспортного «Ила». Мимо прошла стюардесса. Лисицын улыбнулся ей. Она приветливо улыбнулась в ответ. Эх, замутить бы! Говорят, сопротивление проводника всегда больше, чем сопротивление проводницы. А сейчас, говорят, и проводники бывают всякие, особенно в Европе-Америке. Если так, то с этой дамочкой получилось бы наверняка. И вообще, мать права. Пора уже думать о семье, а не перебиваться случайными и редкостно нерегулярными связями. А с другой стороны, оно надо? Мужчина без жены – как рыба без велосипеда...

Взревели двигатели, и самолет легко, словно птичка, взмыл в небо. Но к тому времени, как он набрал высоту, Лисицын уже спал. Он всегда легко засыпал в самолете. Главный фокус тут – успеть задремать именно при наборе высоты, когда падает давление в салоне. Тогда выключиться намного легче. А уж если и без того не выспался... В общем, глаза Сергей открыл, когда самолет уже запрыгал колесами по земле и реверсировал двигатели, завершая посадку.

В Москве было противно и слякотно. Мелкий нудный дождь, не холодный, а скорее промозглый, заставлял невольно ежиться. Вдобавок самолет из провинциального городка столичные кадры не подогнали к «рукаву», выдвигающемуся из здания, а поставили на дальней стоянке, так что пришлось еще минут пять трястись на уступающем дорогу всем и каждому автобусе. Мелочь, а неприятно. Впрочем, Лисицын, заранее настроенный на московский снобизм, плевать на все это хотел. В душе, как много лет назад, пульсировало холодным огнем веселье. Рутинка последних лет и впрямь малость достала, и, хотя он старательно приучал себя к мысли, что хватит, набегался по джунглям с автоматом, где-то внутри подспудно жила потребность в движении.

Взятые с собой вещи спокойно помещались в небольшую сумку, попадавшую под нормы ручной клади. Сумка Бестужева оказалась примерно такой же – ну да, ничего удивительного. Для него все эти мотания не более чем командировка, причем достаточно короткая. А вот Кобрин прихватил с собой довольно внушительный чемодан с колесиками, чем заработал неодобрительный взгляд своего начальника. Хорошо еще ждать багаж пришлось недолго – в столичном аэропорту умели работать.

Синий минивэн средней потрепанности тоже не производил особого впечатления. Зато и внимания не привлекал. Учитывая же, что возможности машины напрямую зависят от прокладки между рулем и сиденьем, это был настоящий болид. Во всяком случае, по трассе шел великолепно, уверенно обходя куда более навороченные автомобили. Главное, чтобы никто под колеса не бросился. Особенно размахивая полосатой палочкой. А то ведь всякое случается. Например, след от раздавленного на асфальте гаишника. Впрочем, они тоже не дураки, помнят, что от раздавленной собаки будут отличаться лишь тем, что перед псиной будет тормозной след. Вот и работают исподтишка, понаставили камер, на которые водителю минивэна, похоже, было плевать.

Бестужев лениво развалился в кресле и смотрел в окно. Здесь он был дома, владел ситуацией, а потому мог себя вести так – удовлетворенно расслабленно. Его шестерка – а никем иным Кобрин быть не мог – старательно копировал поведение шефа. Получалось не очень. Лисицын же смотрел с интересом – давненько он не бывал в столице, начал уже забывать...

– Сейчас мы приедем в гостиницу, – голос дипломата прозвучал столь внезапно, что кто-нибудь более впечатлительный, чем Лисицын, мог и вздрогнуть. – Там заказан номер. Гостиница не наша, обычная.

– Снова маскировка?

– Она, проклятая. Располагайтесь, пообедайте – оплачено по принципу «все включено», так что не стесняйтесь. Ресторан там неплохой. После обеда за вами приедут. Вопросы?

– Как я узнаю тех, кто прибудет за мной?

– Вот они, – перед глазами Лисицына замаячили две фотографии. Ниже шариковой ручкой были нацарабаны номера телефона и машины, а также ее марка. Ничего так машинка, к слову. – Запомнили? Вот и хорошо. Подъедут, заходить не станут. Позвонят, выйдете сами. Еще вопросы?

– Не перебарщиваете с секретностью-то?

– Береженого и Бог бережет...

– Да-да, именно так сказала монашка, натягивая на свечку второй презерватив.

– Послушайте, Сергей Павлович, – на сей раз Лисицыну, похоже, удалось его разозлить. – Вам не кажется, что уж это точно выходит за пределы вашей компетенции?

– Мне башкой рисковать, поэтому эти пределы я сам установлю. Ферштеен?

– Ну вы... Ладно, реально вопросы есть?

– Нет.

– Еще лучше. А мы, кстати, приехали. Все, Сергей Павлович. До вечера.

Гостиница оказалась средненькой. На стене были изображены четыре звезды, но по факту она тянула на три, максимум. Отечественный пафос во всей красе и довольно-таки убогом варианте. Впрочем, какая разница? За свою жизнь Сергей бывал в местах куда менее комфортных.

Ресторан действительно был совсем неплох, да и номер, несмотря на простоту, ему понравился. Во всяком случае, все чисто, опрятно, простыни свежие. Что еще, спрашивается, надо? Помыться с дороги, убрать со щек (дома, в спешке, не успел) нарощенную за три дня щетину, которую принято называть брутальной, а сам Лисицын считал неряшливой, отдохнуть немного. В общем, когда запиликал телефон, Сергей чувствовал себя вполне бодрым и готовым к дальнейшим свершениям.

Звонок прозвучал аккуратно в тот момент, когда Лисицын уже немного расслабился, но еще не успел задремать. Что, к слову, намекало сразу на несколько возможных вариантов. К примеру, те, с кем ему предстояло работать, успели неплохо изучить его привычки. Или, для разнообразия, где-то здесь установлены камеры – кстати, почему бы нет, если эта гостиница постоянно используется в качестве конспиративного жилья. В случайные совпадения Лисицын не верил совершенно. Кто-то скажет паранойя, а он – жизненный опыт и благоприобретенный цинизм.

Впрочем, не все ли равно? Он взглянул на экран телефона, убедился, что звонят именно с номера, который показал ему Бестужев, и нажал кнопку приема.

– Сергей Павлович?

Голос был совершенно незнаком, что, в общем, и неудивительно. Такой суровый, мужественный, располагающий к себе голос. Лисицыну и в той, прошлой, жизни, и в нынешней приходилось слышать подобные. Тогда – у штабных офицеров Арбатского военного округа, ныне – у преступников высокого полета. Опыт приучил его не верить обладателям подобных голосов. Увы, сейчас это мало что значило. Попала собака в колесо – пищи, но бежи.

– Слушаю вас внематочно.

Пауза была короткой, почти незаметной. И голос в трубке не изменился совершенно. Во всяком случае, на мелкую подначку собеседник не поддался – плюс очко его умственным способностям.

– Сергей Павлович, машина ждет внизу...

На сей раз в секретность играть не стали. Во всяком случае, не перестарались – «тойота» выглядела одновременно и достаточно неприметной, чтобы не привлекать взгляд, и вполне респектабельной. Первое достигалось наличием на дороге еще кучи таких же автомобилей. Многие, заработав достаточно денег, старались приобрести нечто подобное – большое, удобное, мощное и вместе с тем не запредельно дорогое. Ну а респектабельность – это, скорее, традиция, в России любят и уважают джипы.

Сергей присмотрелся... Ну да, вот он, завершающий штрих. Ни одна государственная машина не будет разрисована хоть чем-то помимо заводской краски. Ерунда, конечно, однако в сознание обывателя это вбили наглухо. Соответственно, всевозможные аэро графии могут привлечь внимание – и в то же время отвести взгляд. А всевозможные скромные надписи-шильдiki-фенечки и внимания-то не привлекут, но подсознательно человек свяжет их с чем угодно, кроме госслужбы. Здесь именно такую и сделали, среди молодящихся любителей потусить весьма популярную, к слову. Нашествие. Рок-фестиваль... Да уж, фестиваль «Нашествие» – это круто! Нашествие – главное приключение лета. Нашествие – это девиз саранчи.

Хихикнув про себя, он остановился напротив поданной кареты и чуть сощурил глаза, разглядывая водителя и сидящего рядом человека. К слову, не обращающих на него внимания – то ли расслабились чрезмерно столичные мальчишки, то ли старательно делали вид, что их ничего не интересует, кроме экранов смартфонов. Если так, играют они воистину гениально.

Тонированные стекла надежно защищали сидящих внутри от любопытных взглядов. Это, конечно, запрещено, однако же многие все равно так делают – специфика отечественного менталитета, чтоб ее. Откровенно говоря, Лисицын тонировку не любил – и как профессиональный, хоть и кабинетный, страж порядка, знающий, сколь легко спрятать за ней что-нибудь огнестрельное, и как специалист, понимающий, что против соответствующим образом подготовленного и оснащенного человека толку от нее, в общем-то, немного. Сам он, к примеру, видел через непрозрачные вроде бы стекла без особых проблем даже без соответствующей аппаратуры, к слову, дорогой, как будто ее сделали из алмазов. И без нее справлялся. Разве что шагов с десяти, не больше – напрягать лишний раз глаза или применять фамильную магию без нужды категорически не хотелось.

Ну что же, проверим, что тут за профессионалы служат. Хотя бы чтобы подтвердить или опровергнуть недавно родившуюся в голове теорию. Грешно не воспользоваться оказией... Лисицын подошел к машине, костяшками пальцев требовательно постучал по стеклу.

Стекло поехало вниз, явив миру недовольную физиономию. Второй, сидящий на месте водителя, наблюдал за происходящим, скорее, с интересом и молчал, предоставив вести разговоры напарнику. Тот и заговорил. В меру своей образованности, надо полагать.

– Чего тебе?

М-дя, культура так и прет. Ладно, тест на наблюдательность мальчишки провалили с треском. Посмотрим, что они еще провалят.

– В неподобающем месте вы стоите, молодые люди...

Ну, молодые люди – это громко сказано. Парочка в машине была если и моложе Лисицына, то от силы на год-другой. А вот место они действительно выбрали не совсем правильно. Вместо стоянки, а ведь звонивший сказал, что машина именно на стоянке – возле гостиницы, они припарковались на улице. И, сколь мог судить Лисицын, куда ближе к повороту, чем разрешено правилами.

– Тебе-то что?

– Ничего. Переставьте машину на стоянку – и вопрос исчерпан.

– Слышь, моралист, шел бы ты отсюда.

– Ты как меня назвал, смешарик?

– Кто?

– Ну, смешарики... – давясь от смеха, ответил Лисицын, – это незаконные дети колобка...

– В смысле?

– Ну, он от бабушки ушел, он от дедушки ушел, потом зайца встретил... Судя по всему, жил с ним какое-то время, а потом дальше покатился. Глядя на разнообразие видов, жил со всеми подряд. А учитывая наличие в истории пингвина, ухитрился допрыгать аж до Антарктиды.

– Ты что, издеваешься?

С этими словами парень распахнул дверь и вылез из машины. Лисицын едва не расхохотался, настолько он, оказывается, попал в точку. Несмотря на молодость, его оппонент успел обзавестись изрядно выпирающим брюшком, да и в целом был не худеньким. В общем, кого-то из знаменитого мультфильма он точно напоминал. Вот только пытаться с такой внешностью произвести грозное впечатление – занятие неблагодарное.

– Не ты, а вы, я с тобой свиней не пас. А в остальном все верно, издеваюсь.

Да, с выдержкой у него тоже так себе. Во всяком случае, не стоило так раздуваться и грозно шагать к собеседнику. Не сделал бы этого – не получил бы короткий, хорошо поставленный толчок в живот. Бей Лисицын по-настоящему, парня сложило бы пополам, а так – на секунду задохнулся, и только. Как раз хватило, чтобы получить второй толчок, сильнее, но куда медленнее первого, и влететь обратно в салон машины, как раз на собственное кресло.

– Сидеть! – шепотом, но притом максимально отчетливо рыкнул Лисицын на подавшегося было на помощь товарищу водителя, одновременно снимая с переносицы огромные пластиковые очки с простыми стеклами и аляповатой московской символикой на дужке. Пять минут как прикупил – в столичных гостиницах сувениры продают не везде, но конкретно в этой нашлись. В прошлом году они были пискom моды, а сейчас превратились в неликвид, но драли за него ушлые москвичи безбожно. Заодно Сергей проглотил две конфеты, которые до того держал за щеками, что немного меняло контур лица и одновременно искажало речь. – Двойка вам за наблюдательность и незачет по рукопашке. Все, поехали.

Смотреть на охреневшие вытянувшиеся лица было одно удовольствие. Потом тот, которого Лисицын слегка помял, непонимающе свел глаза к переносице и удивительно философски поинтересовался:

– И что это было?

– Полный крах и провал. Вторая буква «и». Что глазенками-то хлопаешь? Фиаско это, фиаско, а совсем не то, о чем ты подумал.

Судя по выражению лица, посрамленный и обиженный в лучших чувствах парень сказать мог очень многое, но все же промолчал. Плюс балл за умение, пускай и неполное, контролировать эмоции. И еще балл за инстинкт самосохранения, благодаря которому Лисицын всю дорогу ехал в тишине – не только переговариваться лишней раз, но даже и включать радио его спутники не рискнули.

Честно говоря, поездка не доставила Лисицыну особого удовольствия. Хочешь посмотреть на одноклеточных? Купи микроскоп. Ну, или включи на телевизоре любое ток-шоу. Иногда это даже забавно. Вот только ехать с ними больше часа в одной машине – это, извините, для мазохистов. Хотя, конечно, кое-какие выводы из поездки он тоже сделал. Хотя все когда-нибудь кончается, и вот он стоит, разглядывая большое и на редкость безвкусное здание, конечную цель их пути. Во всяком случае, на этом этапе.

Секретарша у Бестужева выглядела не старше тех парнишек из машины. Фигуристая, да и мордально вполне ничего. Даже, можно сказать, ничего себе. Неясно, как у нее с деловыми качествами, скорее всего, неплохо – вряд ли в таких учреждениях держат исключительно за смазливое личико. Но, можно побыть в меру циничным, не только за профессионализм ее здесь держали, ох, не только. Впрочем, это вам не упавший в феминизм, морализм и толерантность Запад, в России на многое смотрят проще, да и, откровенно говоря, Лисицына такие вопросы не касались в принципе. Нюансы работы Бестужева – это только его проблемы, да и вообще, женщина – друг человека.

Мариновать в предбаннике, сиречь приемной, Лисицына не стали. Но и внутрь сразу не пропустили – традиция, однако, любое начальство среднего звена просто обожает демонстрировать всему миру свою значимость. Можно было, конечно, проигнорировать условности, но, как гласит старая армейская мудрость: короткий путь всегда заминирован. Поэтому Лисицын не стал обострять – и правильно сделал. Прошло всего-то две минуты, и все та же фигуристая секретарша, на миг оторвавшись от каких-то, несомненно, очень важных, бумаг и повинуясь сигналу, который гость так и не смог засечь, указала ему на дверь кабинета. Молча указала – видать, недостоин он, чтобы с ним вслух общались, ибо пришел без шоколадки.

Кабинет Бестужева ему понравился. Он о таком всегда мечтал. В родной полиции только это и оставалось – мечтать, у них бюджет всегда впритирку. Здесь же такими проблемами особо не заморачивались. И кабинет – соответствующий. Не большой – но и не маленький, в самый раз. Вдоль стены шкафы, заполненные книгами и папками. Все строго по ранжиру... Мягкий, точно под размер кабинета, ковер с отлично гасящим шага толстым ворсом. Можно не сомневаться, чисткой его озабочивается не сам Бестужев и не фифа-секретарша, наверняка здесь есть целый штат уборщиц. Ну и стол, как и положено, буквой Т. Хороший такой стол, удобный. Большой! Из натурального дерева, а не простонародного ДСП. На таком при нужде можно спать, причем как минимум втроем сразу.

А вот хозяин всего этого великолепия выглядел недовольным. Видать, ему успели доложить, как неуважительно Лисицын обошелся с его людьми. Правда, вслух он ничего не сказал, сухо обменявшись дежурными приветствиями. Разве что поморщился, когда Сергей без приглашения опустился в огромное мягкое кресло, явно предназначенное для особо важных гостей. Да еще и, вместо того, чтобы ждать, когда предложат, по-плебейски бесцеремонно затребовал кофе... Но, в конце концов, не выдержал безмятежно довольной физиономии Лисицына, и его все-таки прорвало.

– И чему же вы улыбаетесь? – голос Бестужева звучал не слишком приветливо.

– Своему гонорару, который вам придется удвоить.

– Не понял...

В голосе, да и во взгляде работодателя звучало искреннее изумление, интерес, но, как ни странно, ни малейших признаков негатива. Последнее развеяло все сомнения Лисицына относительно денег – явно не из своих ему будут платить, а государственная казна и не такое стерпит. Или же... Или деньги вообще не собираются платить, рассматривая исполнителя как будущего покойника.

– Да чего тут понимать, Виктор Георгиевич? Вы послали за мной людей, а я, воспользовавшись моментом, их чуточку оттестировал. Простите, это даже не первый класс, вторая четверть, а детский сад, ясельная группа. Мелочь, но очень показательная. Раз операция, да еще совместная, да еще настолько важная, что чиновник, занимающий достаточно высокое положение, лично полетел за исполнителем, то есть мной, в нашу Тмутаракань, то все задействованные в ней люди должны иметь соответствующий уровень. Если посланы мальчики – значит, ничего серьезнее под рукой не оказалось и средства, которые вы реально можете задействовать, весьма ограничены. И сам собой напрашивается вывод о том, что команда на проведение операции отдавалась не с самого верха. Скорее, это частная инициатива сотрудников, скажем

так, в масштабах вашей конторы не слишком высокого ранга. Побудительные мотивы, честно говоря, мне неинтересны, а вот результат налицо. Отсюда и ограничение в средствах – полк толковых профессионалов вам никто не даст, приходится обходиться тем, что есть. Вроде этих ребят, которые, не спорю, хороши как водители, но это ожидаемо – другие в Москве не выживают. Но это их единственное достоинство, в остальном они не более чем прошедшие базовую подготовку клерки. Я прав?

– Это что-то меняет? – голос Бестужева стал напряженным.

– Разумеется. Многократно возрастают риски. Поэтому – двойной гонорар.

– Право же, Сергей Павлович, вы перегибаете палку.

– Озвученная мной сумма не кажется вам адекватной?

– Именно.

– Что ж, логично. Сделаем ее более правильной. Еще раз удвойте сумму – будет четыре от первоначальной. И половину вперед, иначе я вообще никуда не полечу.

Даже повисшая в комнате тишина, казалось, звучала возмущенно. Однако когда Бестужев открыл рот, судя по всему, чтобы разразиться гневной тирадой, тихо, без малейшего скрипа открылась дверь, и раздался удивительно веселый, на грани смеха, голос:

– Виктор Георгиевич, соглашайтесь. В данном случае вы совершили ошибку, а за них всегда надо платить.

– Но... – Бестужев попытался было возмутиться, но почему-то вдруг моментально увял. – Ладно, вы правы.

И по тому, как легко он согласился, Лисицын заподозрил, что продешевил.

Между тем вошедший прошествовал – иного слова не подберешь – ко второму креслу, близнецу того, в котором расположился Сергей, и со стоном наслаждения опустился в его мягкие недра. На вид лет сорока, может, чуть больше. Высокий, куда выше Лисицына, притом, что тот на свои сто восемьдесят два сантиметра не жаловался. Худощавый, но не скелет, просто жилистый, крепкая мускулатура словно бы просушена под солнцем. Человек с таким сложением вполне может оказаться в схватке намного опаснее накачанных юнцов. Черты лица типично человеческие, но вот цвет глаз... Были у него в роду эльфы, хотя и давно, поколения три, а то и все пять назад.

Судя по позе, особенно по вытянутым ногам, человек этот изрядно устал. А еще он, похоже, стоял в табели о рангах, неважно, гласной или нет, совсем чуточку, но выше Бестужева. Уж слишком вольно он себя вел, а хозяин кабинета, что характерно, не возмущался. Вместо этого отдал распоряжение – и секретарша, вдруг ставшая нереально любезной, принесла гостю чай. И, видимо, за компанию, кофе для Лисицына. А то он уже думал, что не дождетя.

– Итак, – неизвестный закончил потретья свой напиток, ароматный настолько, что Лисицын пожалел о своем выборе. И это притом, что кофе в его собственной чашке тоже был очень неплох. – Меня зовут Лешко Петр Михайлович. И я, как вы, наверное, догадались, руковожу нашей авантюрой. Виктор, – кивок в сторону Бестужева, – мой заместитель. И да, честь и хвала вашей проницательности, вы близки к истине. Если сравнивать с мишенью, целились в десятку, но выбили девять, что, согласитесь, тоже очень неплохо.

– Понятно. И в чем я ошибся?

– В том, что операция – частная инициатива. Скажем так, не совсем частная.

– А точнее? Я не вполне понимаю вас, а играть словами мне неохота.

– Ну, все же просто, Сергей. Разрешите обращаться к вам по имени? Благодарю. Итак, поясняю. Начальство еще не знает, в курсе ли оно наших действий. Если все получится, то оно, разумеется, изначально было поставлено в известность, одобрило и оказало всемерную поддержку. Если будет громкий провал, то оно знать не знало и ведать не ведало о непрофессиональных действиях нескольких авантюристов невеликого ума и низсредних способностей. Ну и, конечно, остается промежуточный вариант, когда успеха нет, но нет и провала. В этом

случае нам, скорее всего, кулуарно намылят шею, но наверх информация не пойдет. Финансирование осуществляется из фондов, скажем так, отчетности не требующих, а потому спустить процесс на тормозах будет не так уж сложно.

– Как все запущено, – пробормотал Лисицын. – Вот ни капли не удивлюсь, если сейчас услышу до кучи, что вас в этой жизни мучает очень много проблем. И самая главная из них – я. Лешко рассмеялся, совершенно искренне.

– У вас мания величия или чувство юмора такое? – спросил он в пространство.

– Обижаете. Конечно, мания. Я и чувство юмора – понятия несовместимые. А вообще, мне все же хотелось бы узнать, наконец, что планируется совершить героического, если за это не морщась предлагают такие деньги.

– Вот это уже деловой разговор. Слушайте внимательно и не перебивайте. Любые вопросы потом.

Что же, потом – значит, потом. Лисицын очень хорошо умел чувствовать момент, когда заканчивается треп и начинается работа. Единственное, пожалуй, себе послабление он сделал, поудобнее расположившись в кресле – неизвестно, сколько протянется разговор, а отвлекаться из-за затекшей спины не хотелось. Впрочем, его опасения не оправдались – рассказ вышел короткий, не так уж много информации было у его нанимателей.

Если опустить малозначимые нюансы, то в сухом остатке выходило следующее. Шесть лет назад в одной из бывших французских колоний вспыхнули волнения. Причины? Да пес их знает, в тех местах вечно кто-то с кем-то задирается. Тогда никто особо не интересовался, а потом и вовсе стало не найти концов. Точнее, нашли бы, если б занялись всерьез, но кому это надо?

Так или иначе, маленькая и никому, кроме падких на жареные кадры репортеров, не интересная заварушка в один прекрасный день переросла во что-то большее. И, как обычно бывает, как только масштабы беспорядков перешагнули некий мало кому ведомый порог, кто-то бросил клич «Бей белых!», и все до того враждующие стороны объединились, разом найдя общего врага.

Ничто не ново в этом лучшем из миров, подобные эксцессы в тех краях тоже случались уже не раз. Поэтому белые, как правило, жили компактными группами, охранялись военными, причем не местными обезьянами, а опять же белыми, обычно из частных военных компаний, и при нужде переходили на осадное положение. Орки могут быть яростными бойцами, но против белых они – мясо, а на длительные планомерные действия, требующие не только храбрости, но и изрядной дисциплины, и вовсе редко способны. Побузят, затем все успокоится, и через несколько месяцев восстановится статус-кво. В принципе, сейчас все ожидали нечто подобное, но – не срослось.

Как получилось, что разбушевавшиеся орки прорвали периметр, оставалось только гадать. В принципе, на том бы все и кончилось, оборона рухнула, как карточный домик, но, к счастью, там же находился взвод американских морских пехотинцев. Что-то в тех краях нашли интересное и ценное, то ли золото, то ли титан, и американцы, имеющие неплохие подвязки в регионе, прислали туда геологов, выделив им в сопровождение морских пехотинцев. Те показали себя очень неплохо, сумев заткнуть прорыв, но было ясно, что удержать врага не получится. Однако получилось отступить в аэропорт, где толстые стены здания превращали его в подобие неплохой крепости и был шанс дожидаться самолета.

Увы, местные смогли захватить несколько зениток, устаревших морально и физически, плюс добыть где-то несколько ПЗРК, и первый же транспортный самолет, попытавшийся зайти на посадку, был сбит. Спасли тогда ситуацию русские, которым, в принципе, было все равно. Однако же отказывать в просьбе о помощи они не стали – видать, имели в том свой интерес. Накрыли зенитки ракетами с истребителей, посадили транспортный самолет и вывезли всех, кто сумел до него добраться, подтвердив еще раз свою репутацию солдат крутых и безжалост-

ных. Но все это Лисицын знал и так – как-никак, он в той операции непосредственно участвовал. А вот дальше стало интереснее.

Американцы все же решили вернуться в те места. Официально – геологическая экспедиция. МИД проверил по своим каналам – не золото и даже не титан – уран, это дорогого стоит. Но имелся тут маленький нюанс – после того позорного бегства что американцы, что европейцы в тех местах изрядно утратили позиции. А русские, напротив, их укрепили. Лучше всего на орков действует страх, а уж его-то десантники нагнать смогли с избытком. Полконтинента их опасались, а остальные откровенно боялись, ибо знали – русские всегда возвращаются и мстят за своих, жестоко и страшно. И потому де-юре самостоятельные государства находились под сильным влиянием русских. Лезть в такой ситуации с обычно присущей им наглостью американцы не рискнули и обратились в Москву с просьбой о содействии. Там согласились предоставить сопровождающего, а американцы указали на конкретного человека. Вот и все, если кратко.

Выслушав, Лисицын очумело повертел головой. Ему, откровенно говоря, расклад стал абсолютно непонятен. Если янки обратились с просьбой о помощи, то как они могут играть первую скрипку? И при чем тут конкретно он? В такой ситуации работает принцип «Жри, че дали». Но, как ему объяснили, здесь уже играла большая политика. А в нее дилетантам лучше даже не пытаться совать нос – с ботинками схарчат. Да и проконтролировать этих геологов стоило, мутно там все. А он... В общем, охраной геологов руководил один из участников тех событий, и он запомнил русского, спасшего ему шкуру.

– Очень интересно, – мрачно резюмировал Лисицын, когда ему закончили обрисовывать ситуацию. – Как я понимаю, в случае если там вскроется что-то по-настоящему интересное, вы с этого многое поимеете.

– Ну, вы же тоже не жаждете вывернуться наизнанку ради идеалов, – Лешко хитро прищурился. – Сколь я помню, вы предпочитаете работать за деньги и цените свои услуги недешево.

– Если я не спешу положить жизнь за идеалы, это еще не означает, что их нет. Просто я не хочу в один прекрасный день оказаться бывшим героем.

– То есть?

– Был у меня... сослуживец. Кстати, в той заварушке он тоже участвовал. Не друг, но хороший товарищ. И в бою надежный, как скала. Меня-то по ранению комиссовали, а он лямку тянул до конца. Приезжал как-то, мы с ним поговорили... В общем, вернулся домой, оглянулся и разочаровался. Пока воевал – был нужен, когда закончил – его просто послали куда подальше. На том, что мы лили кровь... Реально лили, чаще всего чужую, но бывало, что и свою, это не фигура речи. Так вот, зарабатывали на том состоянии совсем другие люди. А мы, отработав свое, разом стали никому не нужны. А ведь наши родные ничуть не меньше имеют право носить бриллианты, чем актрисульки. Бездарные, к слову, но умеющие правильно выбрать... гм... покровителей.

– Вы удивительно дипломатичны для полицейского, – хмыкнул из-за своего стола Бестужев. – Не задумывались о смене профессии?

– Спасибо. Задумывался, конечно, только достойных предложений пока не поступало. Так вот, бриллианты своим женщинам дарить мы тоже не против. Но – как-то нет у нас соответствующих миллионов. Притом, что мы их, говоря честно, заработали. Кое-кто, небрежливый и идеалами не обремененный, много чего привез из... командировок. В Африке не только орки, там есть чего взять. А прочие остались со своей зарплатой. Не самой маленькой, но и отнюдь не большой. Так вот, идеалисту осознание этого тяжело пережить. И слишком велик для них шанс или спиться, или начать восстанавливать справедливость в собственном ее понимании, скажем так, не вполне законными средствами. Когда я это понял, то разом переквалифицировался в реалисты. Хотите, чтобы вам что-то сделали – платите соответствующий гонорар.

Не устраивает – ищите другого исполнителя. Вот так, немного сумбурно получилось, но суть вы, думаю, уловили.

– Тогда, я думаю, вам нет смысла на нас обижаться.

– А я и не обижаюсь, просто констатирую факт и делаю для себя определенные выводы.

– Это хорошо. Трезвый взгляд – он еще никому не вредил. Это там, на самом верху, можно корчить из себя героев и бессребреников, не отрывая задниц от стула. А на нашем уровне – сплошное разгребание дерьма, которое льется сверху и подпирает снизу.

– Логично, в общем, если хочешь работать сантехником, в первую очередь забудь все, чему тебя учили в порнофильмах.

– Верно, хотя и грубо. Небось, в школе слышали? Для института звучит мелковато.

– Ни там, ни там. Улица и гитара – наше всё.

– О, высокий уровень образования, – рассмеялся Бестужев, и в его голосе Лисицыну послышались нотки легкого превосходства. – Небось, струнами брэнчать там же научились?

– Что поделать. Я вообще был разносторонним ребенком. Постарались родители, да...

Но самое лучшее мое воспоминание о музыкальной школе – меня в нее не отдавали.

– Все, потом обсудите, – вмешался Лешко. – Сергей, это все интересно, но не слишком актуально. А теперь снова замолчите и слушайте, будем вам задачу ставить.

В общем, вечер прошел в постановке задач, оправданиях и наставлениях. И, когда Сергей вечером растянулся на койке в своем номере, он отчетливо понимал: как бы ни повернулось дело, легкой жизни ему ждать не приходится.

Американцы прибыли на следующий день, ближе к вечеру. Не все, разумеется, а числом трое. Один – руководитель миссии, второй – начальник охраны, его Лисицын узнал сразу, несмотря на прошедшие годы. Ну и третьего тоже узнал, хотя, можно не сомневаться, здесь он больше для представительного вида группы и, возможно, охраны, и ничего не решает, не его уровень.

– Сэм, и ты здесь?

– Конечно, – здоровенный орк (ох, простите, оркоамериканец) почесал бритую голову. – Без меня нашего кэпа уже пять раз бы съели.

На них сурово зыркнули с обеих сторон – как посмели нижние чины поломать регламент! Однако тем было наплевать.

– Ты ж вроде не хотел ехать в Россию.

– А меня кто-то спрашивал? Толерантность, чтоб ее! В группе обязательно должен присутствовать оркоамериканец, и все тут. Хорошо еще, зная ваше отношение к всевозможным меньшинствам, какую-нибудь лесбиянку не добавили. Видать, успех миссии для них важнее гендерных прав. Но от моих, чтоб их, братьев по крови отвертеться не удалось. Вот и приказали...

– Приказы не обсуждаются?

– Вроде того. Да и на кого я его, – кивок в сторону командира, – брошу.

– А ничего, что мы здесь тоже присутствуем? – голосом, сочащимся ядом, поинтересовался Бестужев.

– Ничего-ничего, вы нам не мешаете, – ответил Лисицын. Орк с готовностью заржал. Похоже, штафирки, с умным видом ставящие задачи, его тоже малость достали.

Американцы переглянулись. Тот, что постарше, в дорогом костюме, мученически сморщил лицо. Второй, помоложе, на котором гражданская одежда сидела малость неловко, с трудом удерживался от смеха. Лешко, к удивлению Сергея, тоже едва заметно улыбнулся – он, похоже, игру Лисицына понял с самого начала. Хотя... чего тут гадать? Сам ведь попросил «малость пошуметь». Единственно, не учел, что «малость» у каждого своя. Бестужев после той

единственной реплики сохранял каменно-спокойное выражение лица, а вот его подчиненный, по молодости не успев заматереть в дипломатических баталиях, непроизвольно скривился.

– А Фрэнк где?

– Нет больше Фрэнка, – вздохнул и внезапно посерьезнел Сэм.

– Погиб?

– Хуже... Женился.

На их жизнерадостный смех отреагировали, наконец, и остальные. Лейтенант (о нет, уже капитан) Трумэн и до того еле сдерживался, а теперь откровенно, в голос, хохотал. Американцев вообще иной раз легко рассмешить. Лешко улыбался, Бестужев старательно пытался сохранить невозмутимое выражение лица профессионального сноба, но уголки губ его предательски дрожали. Кобрин... Ну, примерно то же самое, только получалось чуть хуже. И единственный, кто скорчил недовольную рожу, был руководитель американской группы – он, похоже, был попросту взбешен. И его реакция о многом говорила.

Как и многие мальчишки, в далеком сопливом детстве Лисицын с восторгом смотрел успевшие стать классикой фильмы о звездных войнах. И хорошо запомнил одного персонажа. Как там его? Джа-джа, что ли? Неважно. Главное, это был хороший пример того, как из обычного придурка можно вырасти до политика галактического масштаба. Ну а человек перед ним выглядел наглядным примером абсолютно противоположного.

Смит (настоящая это фамилия или псевдоним, интересно) привык держаться, как большой начальник, и не скрывал этого. Манера одеваться вкупе с ценой, которую наверняка пришлось выложить за шмотки (проработав несколько лет в полиции, Сергей научился хорошо разбираться в таких вещах), а также явная привычка к тому, что все это великолепие, за которое простому человеку вкалывать придется ой как долго, не более чем повседневная одежда, говорили о том, что этот человек – чиновник достаточно высокого ранга. Только вот должность руководителя экспедиции – это не совсем то, что может служить повышением для кабинетного работника. А то, что перед ним отнюдь не Индиана Джонс, Лисицын понял моментально. Этот человек держит себя в форме, что нормально для зажиточного американца, но и только. Фигура, сделанная под руководством фитнес-тренера, равно как и пластика движений, заработанная на утренних пробежках, не имеют ничего общего с тем, что приобретаешь, бродя по джунглям. Да и с людьми тот, кто хоть часть жизни провел в поле, держится совсем иначе.

Хотя... всякое бывает. Вроде человек как человек, а садится в кресло, получает укус от бешеного начальника, от другого пару инъекций кожным шприцом – и готово дело, перед тобой стандартный чиновник. Лисицын, было дело, насмотрелся на таких. Может, и здесь тот же случай?

Позже, вечером, докладывая свои наблюдения кураторам, он получил ответ, что их выводы схожи с его собственными. И тот факт, что ни по официальным, ни по оперативным каналам получить информацию об этом человеке не удалось, косвенно подтверждал выводы. Но это потом, сейчас же шли совсем другие разговоры. И атмосфера моментально стала неформальной – военные сучковались в одном углу, дипломаты – в другом. Так сказать, по интересам.

Откровенно говоря, Лисицын не слишком скучал по случайным знакомцам – в африканских и прочих вояжах таких набралось ой как немало. Весело жили, быстро, а черный континент что тогда, что сейчас кипел, будто чайник на плите. Однако же все равно приятно. Тем более, за время, которое американцы вынужденно просидели на русской военной базе, они успели если не сдружиться, то хорошо пообщаться в неформальной обстановке. А потому он с интересом выслушал новости – как-никак, шесть лет не виделись.

Для лейтенанта Алекса Трумэна тот эпизод стал если не крахом карьеры, то ее тормозом. Откровенно говоря, не происходи он из весьма влиятельной семьи (как-никак, один из его прямых предков успел побывать даже президентом США), то могли и в отставку за сотрудни-

чество с русскими выпереть. Все же, хотя формально две сверхдержавы и не были врагами, но отношения между ними были традиционно натянутыми.

Как нормальный военный, нормальный американец и вообще нормальный человек, Трумэн желал реабилитироваться, а командование этим бессовестно пользовалось, так что работать пришлось за троих. И на нескольких заданиях из тех, что обычно пытаются десятой дорогой обойти, тоже. В последний раз едва не сдох. Правда, не от вражеской пули, а потому, что в этой долбаной Африке микрофлора кишечника очень быстро превращается в мегафауну. Едва оклемался...

Услышав об этом, Лисицын только хмыкнул:

– Лучшее лекарство от всех болезней вода. Чайная ложка воды на стакан спирта. Рецепт дарю.

Американец лишь рассмеялся, что об этом рецепте он знает и регулярно его использует. Более того, может статься, благодаря ему он и выжил тогда. И не только тогда, на этом месте он прикрыл глаза, что-то вспоминая, и продолжил свой рассказ.

Такая адова жизнь тянулась долго и выглядела беспросветной. Но, наконец, все начало со скрипом возвращаться на свои рельсы, и апофеозом, а также знаком доверия стало назначение в совместную операцию. Сэм цинично заявил, правда, что тут куда большую роль играет их предыдущий опыт работы в тех местах и взаимодействия с русскими, а также неумение капитана отказываться от опасных заданий. Однако дело выглядело перспективным, и Трумэн надеялся по его окончании стать наконец-то майором. Вполне понятное желание, если вдуматься.

Впрочем, это все лирика, а вот дальше начались деловые разговоры, которые инициировали нашедшие вдруг общий язык боссы. Для начала выяснилось, что Лисицын направлен не столько в качестве сопровождающего, сколько в охрану человека, который и должен, собственно, обеспечивать при нужде взаимодействие с русскими представительствами, а заодно и местными чинушами. И кто это был? Несложно догадаться – Кобрин. Начиная дипломат от перспектив в восторге не был, но как человек, желающий успешно строить карьеру, отказываться даже не пытался. Откровенно говоря, для Лисицына это было неприятным сюрпризом, ну да куда деваться.

Второй новостью стало то, что вылет, оказывается, уже завтра. На этом настаивали американцы, Лешко было все равно, и оставалось только пожать плечами, философски рассудив, что раньше сядешь – раньше выйдешь. Нет, конечно, сборы в излюбленном всеми начальниками стиле «хватай мешки – вокзал отходит» ему никогда не нравились, однако весь невеликий минимум вещей, что он взял с собой, лежал в гостиничном номере и мог быть подготовлен к старту минут за пять. Ну а все, что сверх этого, выдадут централизованно, а значит, и тратить нервы, размышляя об этом, не имело смысла.

В принципе, так и получилось. Лешко деликатно, однако тоном, не оставляющим места двойному толкованию, намекнул Сергею, что его дальнейшее присутствие здесь совсем необязательно, а вот получить амуницию желательно до того, как рабочее время подойдет к концу и кладовщики разбегутся по домам, как тараканы в норки. Что же, следовало признать, логика в его словах присутствовала. Материально безответственные – они везде одинаковы. Правда, тут же в компанию к Лисицыну напросился Сэм – уж чего-чего, а возможности побывать в святой святых русских, на их военном складе, он упустить не мог. Лешко, услышав его просьбу, только рукой махнул, из чего следовал однозначный вывод – нет на том складе ничего секретного. Так почему ж в таком случае не сделать гостю приятное? И, сопровождаемые одним из парнишек, вчера доказавшим свою ограниченную проф пригодность, они спустились в подвал, воспользовавшись, как ни странно, лестницей. То ли не шел туда лифт, то ли просто сопровождающий желал таким образом мелко-мелко отомстить, Сергей гадать даже не пытался.

Войдя в кабинет заведующего складом (никаких секретарш на входе, лишь благожелательное «войдите» на стук в дверь), все замерли. Точнее, замер сунувшийся первым Сэм, а Лисицын уткнулся в его спину, покрытую каменной твердостью буграми мускулов, которые не могла скрыть даже мешковатая рубаша, и вынужденно застопорился. Потом деликатно отодвинул орка в сторону, вошел, увидел, слегка удивился, но не более. Зато Сэма он понял моментально – вряд ли тот видел что-то подобное в своих Америках. И стала понятна реакция Лешко – даже если здесь и есть что-то интересное, гость все равно ничего не заметит, ему и без этого есть на что пялиться.

Конечно, Сэм был в легком шоке. Нет, ожидать можно было что угодно. В конце концов, все русские немного сумасшедшие. Но развалившийся в кресле демон...

Представители Нижнего мира – гости редкие. Бывают, приезжают как туристы, но и только. И даже если Сэм их когда-то видел, то никак не мог ожидать, что тот работает у русских, причем обычным кладовщиком. Лисицын, правда, тоже, но он за свою не такую и долгую жизнь видел многое, так что демон в рабочем комбинезоне в его систему координат пусть с трудом, но вписывался.

А столоначальник, моментально расшифровав причину заминки, незаметно подмигнул Лисицыну, потянулся в кресле, одновременно расправив и сложив обратно широкие крылья, и деловито поинтересовался:

– Недавно в России?

– Д-да... А вы откуда знаете?

– Все иностранцы на меня неадекватно реагируют. С русскими проще – они говорят «был бы человек хороший» и не парятся из-за расовых предрассудков. А вы все дикие какие-то.

Сэм попытался было возмутиться, но выглядело это крайне неубедительно. Да и, откровенно говоря, не слушал его никто. Вполне логично рассудив, что дело прежде всего, а если предаваться болтовне и праздности, то до конца рабочего дня они точно не успеют и придется задерживаться на работе, демон встал. И моментально стало понятно, что на складе ему самое место – с таким ростом он без стремянки мог доставать интересующие предметы с любой полки. А благодаря своей силе обходиться при этом без погрузчика.

Вдобавок то ли память демона превосходила человеческую, то ли этот конкретный экземпляр был крутым профессионалом. Во всяком случае, где и что у него лежит – он знал отлично. Лисицына еще ни разу не экипировали с такой скоростью, не сверяясь при этом с базой данных.

А вот Сэма ждало разочарование – никаких широко распиаренных секретов, которыми, если верить газетам, набит каждый уважающий себя русский дом, ему увидеть не удалось. Просто потому, что все снаряжение, которое выдавал Лисицыну необычный кладовщик, было американского производства и стояло на вооружении американской же армии. Исключение составлял разве что автомат – старый добрый «калашников» под архаичный трехлинейный² патрон.

Выбор считающейся устаревшей модификации знаменитого автомата, к слову, был отнюдь не прихотью Лисицына. Африка имеет свои особенности, в том числе и в вооружении. На черный континент традиционно сбрасывали всевозможное старье, а потому именно таких автоматов там чуть больше чем до хрена. Очень часто китайских, разумеется, но это маловажно. Главное, что патроны достать не проблема в любой точке континента. А вот будут ли там, куда они направляются, боеприпасы к более современным образцам – вопрос открытый.

Закончив выдачу, демон аккуратно выложил на стол ведомость, в которой пришлось расписаться. Не кровью, разумеется, чернила надежнее, хотя, судя по выражению лица Сэма, он

---

² Старинная, но до сих пор не отмершая окончательно русская система калибра оружия. Линия – 0,1 дюйма, или 2,54 мм. Соответственно, три линии – классические 7,62 мм, под которые разрабатывались армейские образцы стрелкового оружия России с конца прошлого века, такие, как знаменитая винтовка Мосина. Первый принятый на вооружение вариант промежуточного патрона также имел этот калибр. Под него же, собственно, изначально разрабатывался автомат Калашникова.

ничуть не удивился бы, если б вместо ручки Лисицыну вручили шприц. Вот же дитя голливудских страшилок... У него даже какое-то почти детское подобие разочарования на лбу было написано, когда Сергей, усмехаясь мысленно, ставил свою медицински неразборчивую закрючку.

Закончив с формальностями, демон извлек с очередной полки контейнер из грубого черного пластика и принялся деловито упаковывать в него вещи. Гора казалась не в пример больше, чем емкость, но кладовщик, проявляя чудеса профессионализма, так впихнул невпихуемое, что в ней даже осталось немного свободного места. Со звонким лязгом замка установил крышку, нарисовал в воздухе замысловатую руну – и на контейнере нарисовалась его личная печать. Повернулся к Лисицыну:

– Прошу.

– Без проблем, – Сергей извлек из-под ворота рубашки висящий на шее медальон. Коротковатая цепочка мешала, пришлось снимать его через голову. Пыхнуло красным – и под удивленно-завистливым взглядом Сэма на крышку контейнера опустилась вторая печать. Все, теперь, не сломав обе, вскрыть багаж не получится.

И тут же, словно наблюдал (а может, и впрямь наблюдал), вошел Бестужев. Оглядел помещение орлиным взором, довольно кивнул:

– Вижу, собрались уже? Это радует. Сержант, – повернулся он к Сэму, – ваши товарищи уже в машине. Ждут только вас.

– А...

– Не волнуйтесь, вас проводят, – из-за спины дипломата выдвинулся крепкий парень совершенно незнакомого Лисицыну облика. – Сергей Павлович, пойдёмте, надо еще оформить документы. И не оглядывайтесь вы так на свое барахло, ваш багаж отправим утром прямо к самолету.

Перелет Лисицыну не запомнился совершенно – он, как обычно, заснул, благо кресла в бизнес-классе удобные. Тем более снова не выспался – сидели вчера долго. Если военные, как правило, ставят задачу четко и коротко, то у дипломатов велеречивость сравни безусловному рефлексу. Вот и говорили чуть не до ночи. Толку чуть, зато выкушали для бодрости три чашки кофе, да еще и с коньяком. Потом долго и мучительно ворочался, отключившись уже часа в три ночи, а рано утром вылет... Заснуть в такой ситуации оказалось не просто, а очень просто.

Когда они вышли из самолета, их встретило на удивление жаркое солнце. Впрочем, для этих мест самое то – Ларнака, столица Кипра. Не самое приятное место, в отличие от прибрежных курортов этого острова. Но там – море, и климат соответствующий, здесь же каждый камень источал, казалось, жар, способный плавить железо.

Почему американцы решили начать отсюда, Лисицын понятия не имел. Они не распространялись – Трумэн и Сэм были не в курсе, а их предводитель хранил высокомерно-безразличное молчание. Конечно, если рассматривать происходящее с точки зрения солидарности по военным блокам, ничего удивительного. Как-никак американцы с британцами формально лучшие друзья. Остров же не только расположен удобно, но и военная база у англичан здесь серьезная. Да и вообще, Кипр – их зона влияния, и, хотя числится независимым государством, к британцам местные относятся с определенным пиететом.

Ничего удивительного, к слову. Киприотам всегда не везло на правителей. Еще в средневековье, едва обретя независимость, они крупно вляпались – их первый король ухитрился жестоко унижить Ричарда Львиное Сердце. Зря он положил глаз на его сестру, случайно угодившую в его загребушие грабки. Еще более зря не сообразил, что не стоит делать это против ее воли. Ну и совсем зря не смог сохранить расклады в тайне. А стакнуться с монархом, имеющим сильнейшие армию и флот в регионе, вообще занятие, долгой и здоровой жизни

не способствующее. В общем, раскатали его в блин походя, и на том независимость острова закончилась.

Второй раз, уже совсем недавно, вновь только-только восстановив государственность, киприоты сделали огромную глупость, выбрав главой страны патриарха. А тот начал гонения на мусульман, которых еще со времен турецкого господства на острове жило немало. Результат – гражданская война, которая, учитывая воинские «talанты» греков, имела предсказуемый результат. От полного разгрома их тогда спасли именно англичане, хотя с тех пор остров и разделен на северную и южную части. Тем не менее британцы создали себе тогда образ благодетелей, который со временем так и не выветрился.

Неудивительно, что вопрос о военной базе даже не стоял. Надо англичанам – пусть хоть десять строят. И теперь на их базу предстояло лететь. Вертолет за гостями уже прибыл и скромненько притулился на отдаленной стоянке, а прямо к трапу подогнали аккуратненький, словно игрушка, минивэн аэродромной службы – чтоб, значит, гости ноги себе не утруждали и внимания лишнего не привлекали. Туда же обещали доставить багаж. На взгляд Лисицына, проще было пропустить их всех общим порядком, а потом аккуратно препроводить – в набитом людьми аэропорту на это и вовсе никто внимания не обратит. Ну да хозяин – барин, и принимающая сторона лучше знает, как ей лучше действовать.

Пока они ехали по аккуратно расчерченному автокоридору, он сидел, безразлично глядя в окно – происходящее снаружи его мало интересовало. Ну, аэропорт. Мало он их, что ли, видел в жизни? Зато Кобрин непрерывно вертел башкой. Парень он, конечно, перспективный, другого на такое задание не пошлют, но вот опыта у него было явно маловато.

Вспомнив вчерашний вечер, Лисицын едва удержался от того, чтобы хмыкнуть. Кобрин, узнав маршрут, поинтересовался у Сергея, какой он, этот Кипр. Видать, прочитал в досье, что пришлось его спутнику там побывать. А с какой целью – не прочитал – видимо, уже не его уровень допуска, хотя там сушая мелочь на самом-то деле. Землетрясением остров слегка тряхнуло, и на побережье Кипра сложилась курортная зона. Именно сложилась – туристические центры, по сути, в недалеком прошлом рыбацкие деревушки, ныне застроенные отелями, оказались к такому повороту совершенно не готовы. Эти самые отели к тому моменту, как Лисицын и еще несколько десятков солдат прибыли туда в составе группы спасателей, представляли собой разномастные груды мусора. Адова была работенка их разбирать...

Тогда, кстати, он в очередной раз убедился в бесполезности тутошних священников. Они тогда подняли здоровенную плиту, под которой он почуял живых. Крана не было, имелись только ломы и совсем чуть-чуть его магии. Все же она не то чтобы силовая, другая направленность, хотя сотворить кое-что можно, разумеется. Он и сотворил...

Да уж, было дело. Неделю потом суставы болели, словно их на дыбе выворачивало, и это еще довольно скромная плата за использование непрофильной магии такого уровня. Но результат стоил затрат – из-под завала извлекли трех женщин и ребенка. Все, конечно, в разной степени покалеченности, однако же и ничего необратимого с ними не случилось.

Выволокли они их тогда... К слову сказать, тоже с риском для жизни. Убрать плиту совсем не получилось, только сдвинуть и приподнять. Она так стояла, что, казалось, в любой момент готова рухнуть обратно. Парни ныряли в узкий лаз, вытаскивали раненых... А потом появился священник.

Искренне верующий (а главное, соответствующим образом одаренный) служитель культа способен на многое. Откровенно говоря, их способности – это самая обычная магия, порой достаточно высокого уровня. Отец, разбиравшийся в техпроцессе получше своего непутевого отпрыска, утверждал, что в семинариях готовят одаренных по вполне классической методике. Может, и так, но сами работники сферы культовых услуг вполне искренне считают это даром высших сил. Ну да кем бы ни считали, главное, чтобы работало.

Так вот, священники тогда занимались эвакуацией, снимали боль, при нужде поддерживали жизнь в пострадавших организмах. Короче, в случае таких вот ситуаций неплохо дополняли реаниматологов, а опытный священник и вовсе мог заменить всю бригаду. Этот же... Подошел, моментально сообразил, чем занимается сдвинувший плиту маг, демонстративно плюнул и ушел. Не его типа дело помогать тем, кого спас адепт богомерзкой силы. Хорошо еще травмы у людей были хоть и тяжелые, но отнюдь не смертельные, люди больше от обезвоживания страдали. До прибытия медиков обошлись имеющимся в собственных аптечках обезболивающим. Ну и много-много воды, разумеется.

Машину чуть тряхнуло, вырвав Сергея на миг из плена воспоминаний. Ненадолго – они все равно остановились, пропуская вырливающий лайнер, а делать было особо нечего, так что в голове опять зашевелились мысли.

Да уж, святоши в этих местах те еще снобы. Дома народ в этом плане малость поспокойнее. Хотя тоже всякие попадаются – вон, в прошлом году он мотался в Питер, в командировку, и Машка увязалась с ним. Ну, почему бы и нет? Командировка была на три дня, с делами он разобрался за два, и еще осталась куча времени, чтобы погулять, посмотреть на достопримечательности... В Эрмитаж-то девчонка и сама накануне сходила, а вот прогулку вдаль от классических туристических маршрутов они организовали вдвоем...

Да уж, занесла их нелегкая в ту церковь. Мелкой она больно уж приглянулась. «Ах, какой шедевр примитивного зодчества...» Ну а ему было все равно – день клонился к вечеру, нагулялись они уже изрядно, и сейчас он больше интересовался, где бы присесть да поужинать, а заодно вытянуть хоть ненадолго отчаянно гудящие ноги. Церковь? Ну, пойдём, глянем. Заодно, может, заметим по дороге какое-нибудь кафе.

Оценить качество зодчества тогда не удалось. Помимо неистребимой бабки у входа (явно сидела из любви к искусству – после того, как лет десять назад повесили руководителя пенсионного фонда, ситуация с финансированием стариков разом улучшилась) тут же стоял то ли монашек, то ли чересчур молодой для своей должности настоятель этого заведения. Худой, несуразный... Увидел Машку и возопил:

– Женщинам в храм Божий простоволосыми ходить невместно!

Лисицын об этом правиле знал, конечно, однако же сестра никаких платков на дух не переносила. Он и зимой-то с трудом заставлял ее надевать шапку. А тут... Но и спорить не хотелось – в конце концов, священник был в своем праве. Только вот Маша заартачилась и заявила, что если она хочет рассмотреть иконы, то будет их рассматривать, и точка! И поперла, как бульдозер, коза упрямая! Аккурат, чтоб нарваться на гневную отповедь.

Тут уже вскипел сам Лисицын. Право – это хорошо, конечно, вот только орать на его сестру не стоило. Он, бывало, за меньшее челюсть на затылок сворачивал. Однако же сдержался и максимально вежливо спросил, с какого перепуга такие вопли. И очень удивился, получив в ответ:

– Женщина есть сосуд греховный...

– Что, не дают? – участливо поинтересовался Сергей. – Так избавьтесь от запаха изо рта, и будет вам счастье.

Почему священник обиделся, так и осталось для него загадкой. На правду обижаться вроде бы нет смысла... Да и вообще, если кто-то не хочет следить за гигиеной, это только его проблемы. Впрочем, плевать. Куда больше Лисицына занимал тот факт, что организация, вроде бы призванная (в теории и на общественных началах) следить за нравственностью, допускает на ответственные должности откровенных неадекватов. Уважения к церкви это не добавляло...

– Приехали, Сергей Павлович.

Кобрин, в отрыве от своего прямого начальства растерявший немалую часть бывшего апломба, аккуратно потряс Сергея за плечо. Лисицын поморщился – надо же, успел задремать. Наверное, уличная жара вкупе с прохладой от кондиционера в машине сработали. Да уж, под-

растерял он форму, а ведь раньше и внимания бы на подобное не обратил. Вот что мирная и спокойная жизнь с людьми делает.

Ни перелет, ни транспортное средство на Лисицына особого впечатления не произвели. Налетался он в своей жизни изрядно, в том числе и в этих местах, да и техникой вероятного противника ему пользоваться приходилось. Как-то натянули по самые гланды одного туземного царька. Точнее, пожизненного президента, но название – всего лишь орфографическая погрешность. Этот умник вообразил себя круче яйца и наложил арест на имущество российской алмазодобывающей компании. За что, собственно, и был торжественно повешен во дворе собственной резиденции. Нет, оборудование бы ему простили. Набили бы морду – и делу конец, но то, что в тюрьму был брошен весь персонал, с рук интеллигентнейшего вида орку с дипломом Сорбонны и степенью доктора юриспруденции не сошло. Трон моментально занял один из его заместителей, тот самый, что давно работал на русскую разведку и, собственно, успел сообщить наверх о творящемся беспределе. Свято место пусто не бывает, да...

А на аэродроме тогда обнаружили целый парк почти новых, хотя и покоцанных кривыми ручонками туземных механиков, вертолетов. Десантники тогда вполне логично рассудили, что для местных дикарей собственная авиация выглядит чересчур жирно, и, недолго думая, отжали все, что нашли. Потом использовали, хоть и не очень активно – вечная проблема с нестандартными запчастями. Пара машин, по слухам, все еще летают.

В общем, вертолет как вертолет. Куда интереснее была сама база, но, похоже, все они мало отличаются друг от друга. Максимум утилитарности, минимум дизайна. Во всяком случае, эта выглядела так же безлико, как и виденные ранее отечественные товарки. Равно, к слову, как и французская, которую они в свое время взяли лихим штурмом. Сделали они это быстрее, чем французы опомнились, но позже, чем сообразившие, что происходит, туземные вояки из ее гарнизона разбежались по джунглям, а потому база не слишком пострадала. Так вот, всюду одно и то же. Лисицын скользнул взглядом по унылого вида строениям и, решительно повернувшись, направился в грузовому отсеку, получать багаж.

А вот тут было непривычно, хотя это проистекало не из разных порядков, а благодаря изменению статуса. Раньше он, в числе таких же орлов с парой-тройкой лычек на погонах, подхватывал шмотье и пер его на себе, куда скажут. Сейчас же он был приглашенным специалистом с непонятным самому пока статусом. Но – явно не рядовым. Его багаж подхватил специально обученный солдат в камуфляже и без особого воодушевления, но шустро попер его куда-то в направлении жилого комплекса. Оставалось лишь пристроиться в кильватер.

То же самое произошло и с багажом остальных членов группы, причем от вещей Кобрин, упакованных в здоровенный опечатанный кофр, перекашивало сразу двоих носильщиков. Сергей лишь головой покрутил – его соотечественник явно не умел экономить на весе. Он и по Африке со всем этим бараклом разгуливать собирается, что ли? Впрочем, Кобрин тоже смотрел на то, как тащат его груз, с некоторой долей недоумения. Небось, думал, это легко, перекачивать квадратное и переставлять круглое, с некоторой долей злорадства подумал Лисицын, однако комментировать ситуацию не стал. И потому, что не хотел излишней напряженности в коллективе, и времени особо не было – идти-то всего ничего.

Место, где его разместили, более всего напоминало скромный гостиничный номер. Комнатка с кроватью, столом и телевизором да туалет, совмещенный с душевой. Ну и ладно. По большому счету ему здесь жить недолго. Кондиционер есть – и хорошо. Впрочем, даже сейчас рассиживаться не дали – едва успел принять душ с дороги, как примчался уже знакомый солдат, дабы препроводить Лисицына. Куда? А вот этого Сергей не стал даже уточнять, сам узнает.

М-да, малый конференц-зал в родной больнице, где Лисицын практиковался, прежде чем уйти в полицию и стать патологоанатомом, был примерно таким же. Разве что колориты другие. Там – размеренная, почти стерильная чистота, призванная ненавязчиво подчеркнуть, что здесь вам не бордель, а медицина. На стенах плакаты соответствующего содержания и здоро-

венный ящик в углу – прибор, с которым никто не умел работать, а многие даже не знали, как он называется, зато выглядит солидно. Здесь – стиль милитари, даже автоматическая винтовка в углу стоит. С той же, надо полагать, целью. А так – то же самое, даже овальный стол в центре один в один, и кресло для начальника. Глубокое, удобное – в таком, помнится, главврач предпочитал держать нежно лелеемый им геморрой. Похоже, у местного генерала те же проблемы.

А за столом сидели... пацаны. И две девчонки, которым такого рода миссии вообще противопоказаны. Все люди, все белые. На вид только-только за двадцать, в новенькой, практически необмятой еще форме. Трумэн и Сэм, находящиеся здесь же, выглядели несколько озадаченными и... смущенными. И если на лице капитана это выглядело довольно органично, то смущенный орк – это уже что-то из области фантастики.

При появлении Лисицына американцы встать не соизволили. Ну да он и сам на их месте поступил бы точно так же. Особенно учитывая, что перед ними не генералиссимус сильнейшей в мире (правда, они по молодости свято верят, что круче, хотя реалии изменились уже лет тридцать как) армии, а непонятный тип в гражданской одежде. Да и сам Лисицын не ощущал себя птицей столь высокого полета, чтобы пред ним тянулись в струнку. Именно поэтому он просто кивнул всем сразу и никому конкретно, и сел на свободный стул, предварительно ограбив стоящую в углу кофе-машину на пластиковый стакан довольно паршивого напитка.

Впрочем, он отыгрался чуть позже, буквально через пару минут, когда в кабинет вошел командующий базой в сопровождении кучи гражданских лиц, среди которых затесались Кобрин (скромненько) и Смит (его прямо распирало от ощущения собственной значимости). Четверо остальных держались уверенно, однако же производили впечатление людей, абсолютно далеких от армейских реалий. Да и одеты были соответствующе, один даже вырядился в очень неплохой на вид костюм, в котором неплохо смотрелся бы на каком-нибудь совещании, однако здесь, на военной базе, выглядел чужеродным телом. И это притом, что даже Смит не поленился сменить одежду на более простые и удобные джинсы и легкую рубашу. Видимо, дань климату, хотя, стоит отметить, носил он все это достаточно привычно, и это слегка подняло мнение Лисицына о сем персонаже. Глядишь, и не безнадежен...

Куда интереснее смотрелся их состав с точки зрения американских нравов. Тот, который в пиджаке, вообще орк. Удивительно подтянутый, к слову, по сравнению с соотечественниками, большинство из которых не утруждают себя заботой о внешнем виде. Еще двое – люди. Мужчины, белые. Один высокий, широкоплечий, с голливудской улыбкой, лет сорока на вид, второй – его ровесник, невысокий, полноватый и немного мрачный. Ну и женщина. Ожидаемо – не включи в состав группы хоть одну, феминистки потом их всех по судам затаскают.

Лисицын прищурился, взглядом знатока неполиткорректно пробежался по фигуре и лицу дамы. А ничего так, его ровесница примерно. Чувствуется небольшая примесь чужой крови, но какой именно Сергей так, с ходу, определить затруднялся. Но, стоит признать, ей это пошло на пользу – вид очень даже товарный, особенно если малость поработать с прической и макияжем. А заодно вытряхнуть из нарочито мешковатых шмоток и одеть в платье. Впрочем, можно и не одевать – так даже интереснее... Во всяком случае, даже через нынешнюю ее одежду видно, что дама является счастливой обладательницей длинных стройных ног и груди третьего размера. Да-с, определенно, без платья было бы интереснее. Хотя, судя по несколько... э-э-э... голодному взгляду, феминизм дамочке был не чужд.

Взгляд его она, похоже, почувствовала. Ух как глаза-то полыхнули! Очень похоже, насчет феминизма он прав. Ну и ладно, если решила связаться с русскими, пусть терпит, ибо в России народу много, да толерантности мало. Подумав так, Лисицын немного потерял к ней интерес и продолжил изучать вошедших.

Колоритнее всех, как ни странно, выглядел генерал. Во-первых, он был эльфом, причем, насколько мог судить Лисицын, чистокровным, что само по себе редкость. Даже в Британии, где концентрация эльфов на единицу населения наибольшая в мире, встретить чистокровного

представителя этой расы сложно. В армии – особенно, не любят они служить, тем более под началом людей.

Во-вторых, форма этого генерала была, как бы это помягче выразиться, нестандартной. Можно поклясться, что она до последней пуговицы соответствовала уставу, но в то же время отличалась от обычного мундира, каких полно на любом складе, как призовой рысак от деревенской клячи. Поразительно, какой эффект могут давать идеальная подгонка и мельчайшие, почти неразличимые человеческим глазом оттенки цветов. Стоит признать, раса эстетов кое в чем достигла совершенства.

Ну и, в-третьих, шпага, которую генерал таскал на поясе. На кой, спрашивается? Этот стальной дрын, украшенный по гарде сверкающей бижутерией, насколько мог судить Лисицын, был вполне старинный и вдобавок боевой, не парадный. Только в современном бою он если что и может, так это мешаться под ногами и оттягивать ремень. Тем не менее генерал носил шпагу с истинно эльфийским изяществом. И никто из окружающих даже бровью не повел – у англичан эксцентричность в непреходящей моде, а у эльфов вдвойне.

При появлении столь высокого чина военные дружно, как подброшенные одной пружинной, вскочили, лихо вытянувшись во фронт. Все же свой (ну, почти свой) генерал, а для молодняка он и вовсе почти небожитель. Лисицын на правах ныне гражданского человека остался сидеть. И плевать ему было, даже если кого-то перекосит от возмущения. Наступила его очередь игнорировать неписанные правила этикета.

Как ни странно, генерал оказался адекватен. А может, не стал связываться с человеком на глазах таких же людей. Если так, в кои-то веки традиционно зашкаливающее эльфийское самомнение пошло ему на пользу – в том, что он сможет при нужде грамотно послать оппонента в далекое эротическое путешествие, Лисицын не сомневался. Однако генерал ограничился тем, что поприветствовал собравшихся коротким резким кивком и сразу перешел к делу.

К слову, был он вполне компетентен. В две фразы поприветствовал всех присутствующих и моментально представил их друг другу. При этом поименно знал не только гражданских, но и солдат, и даже Лисицына, которого, можно поклясться, вживую никогда не видел, моментально идентифицировал и выговорил его имя-фамилию чисто, без намека на акцент. Для эльфа, конечно, не такое уж достижение, но все же понимающему человеку подобное внимание к деталям о многом говорит.

А еще Лисицыну не нравилось выражение лица генерала. Он улыбался. Не потому, что так положено по должности в присутствии уважаемых гостей с какими-то там полномочиями, а искренне, можно сказать, радостно. Как будто сбросил с плеч очень тяжелый груз. Может, конечно, он реально доброжелательный человек... эльф, но, скорее всего, здесь имелись другие мотивы. Понять бы только, какие.

А еще он не понимал смысла действия. На кой приглашать рядовых на совещание такого уровня? Чтобы друг на друга посмотрели? Так насмотрятся еще. Игры в демократию? Возможно, хотя британцы вроде бы в откровенный маразм не впадали и до такого не доходили. Что еще... Да пес их знает. Или же генерал хочет, чтобы его увидели, а заодно услышали сказанное им все участники будущей экспедиции?

Как бы то ни было, свою часть работы генерал провел быстро и качественно. После краткого представления друг другу (Сергей даже не пытался запомнить, как зовут молодняк) он сообщил, что самолет, который доставит экспедицию в заданную точку, уже прибыл. Сейчас техники в последний раз его проверяют, и завтра утром планируется вылет. У всех собравшихся есть время отдохнуть, выспаться или же провести вечер в цивилизованных условиях. Если кому-то что-то необходимо из снаряжения, то он может воспользоваться запасами базы. Написав, естественно, заявку. И на том все свободны и могут идти.

Сообщив это, генерал первым вышел из помещения. И что, спрашивается, это было? Гм, а если... Он тронул амулеты на груди под рубашкой, пробежал по ним кончиками пальцев,

выбирая нужный, ощутил под рукой приятное тепло... Ай, генерал, ай, молодец! Ай, скотина остроухая! Повезло тебе, что амулет настроен только на оповещение. Получается, пока генерал (а генерал ли?) толкал речь, их успели просканировать. Кто? Да, скорее всего, он сам и сработал, эльфы в магии вообще поднаторели. Может, они и не сильнее человеческих магов, но куда искуснее. В среднем, конечно – встречаются и среди людей такие умельцы, что любого эльфа за пояс заткнут и дроу подотрутся.

Но средний уровень эльфов однозначно выше. Генерал – эльф, а зная примерно возможности их расы, вывод следует неутешительный, но и не параноидальный. Время у него было... немного. Так что успеть поверхностно отследить мысли он мог. Точнее, даже не отследить, а снять что-то вроде слепка, матрицы ауры, чтобы потом, на досуге, внимательно просмотреть его. Двухсекундное дело... И вряд ли сканировали только Сергея, вероятнее всего, и тех мальцов быстренько проверили. Вот вам и смысл собирать всех и разом.

Так, Лисицын задумался. Что там получается? За это время глубокое сканирование не провести, даже у лучших телепатов на это уйдет немало времени. Магию Сергея тоже так вот, с ходу, не нащупаешь – тут надо знать, что искать. Стало быть, генерал заполучил лишь то, что лежало на поверхности. Ну что ж, пусть наслаждается, там кроме мыслей о достоинствах той геологини ничего и нет. Получит информацию о том, что русский первосортный кобель – и что с того? Даже в сексизме не обвинить, ибо мысли к делу не пришьешь. Тем более добытые незаконным путем.

Однако же придется теперь ставить на сознание защиту. Не амулет, его телепат такого класса прошибет «на раз». Хотя, конечно, и амулет тоже, одно другому не мешает. Но ставить надо именно защиту. Не стандартную, а фамильную, способную раз и навсегда отучить лезть не в свои дела и кое-кого покруче. Делать это Лисицын не очень жаждал – муторно, и голова потом как в тумане. Впрочем, последнее снимается небольшой дозой алкоголя, тем более солдаты гурьбой двинулись на выход, и Сэм вместе с ними. Не просто вместе – орк ловко прихватил узловатыми пальцами Сергея за рукав и недвусмысленно потянул за собой. Гражданские остались, и с ними капитан. Выглядел Трумэн как великомученик и, очень похоже, не отказался бы сбежать следом за подчиненными, но долг требовал остаться. Прикрыть, так сказать, отход, хе-хе, подумал Сергей, аккуратно прикрывая дверь и шагая вслед за орком. Одновременно он начал накладывать защиту, дабы не терять зря времени – мало ли какие сюрпризы подстерегают его дальше.

А еще он тщательно обдумывал новую информацию. Итак, ученых в группе четверо, это ожидаемо – посылай американцы большой отряд, они, скорее всего, предпочли бы обойтись без русского содействия. Просто потому, что и охрана была бы соответствующая. Нет, они отправили небольшую группу для предварительной разведки – прощупать почву и оценить перспективы. Так что это нормально. А вот состав...

Орк – понятно. Геолог, самый настоящий, без дураков. Представили его, во всяком случае, именно так. Не вяжется с костюмом, ну да поглядим. Женщина – тоже геолог. Точнее, геофизик. Разница между этими понятиями, конечно, есть, но от Лисицына она ускользала. Да и, честно говоря, мало его интересовала – не его сфера деятельности. Главное, профильный специалист. Но остальные ставили его в тупик.

Нет, профессия-то у них, может, и подходящая – тоже геологи, если не врут. Но вот национальная принадлежность... Оба британцы, с островов. Из самой, так сказать, метрополии. А ведь изначально заявлялось, что экспедиция чисто американская. Многовато сюрпризов. Эх, поместить бы их в разные комнаты, да со звуконепроницаемыми стенами, крепкими дверьми и железными засовами... А потом расспросить каждого по отдельности, без свидетелей. Увы, об этом ему оставалось лишь мечтать.

Бармен смотрел на вошедших чуть надменно, как и положено истинному британцу глядеть на каких-то там америкашек и уж тем более на русских. Лисицын чуть прищурился, усмехнулся. В этом «истинном британце» крови островитян, дай бог, половина. Остальное наверняка пожертвовал какой-нибудь гоблин с Ближнего Востока или иерусалимский огр. Впрочем, там внешне (да и внутренне, если честно) и разницы-то почти нет, человеку постороннему немудрено перепутать.

Сэм, подобно ледоколу, раздвинул неуверенно топчущуюся молодежь и прошлепал к стойке. Лисицын, пожав плечами, шел следом. Порядков местных он не знал, и вряд ли они были столь вольными, как представлял себе непосредственный орк, ну да какая разница? Сэм же, плюхнувшись на высокий стул, громко щелкнул пальцами:

– Виски! Стоять! Это во что ты наливать собрался?

Бармен, протянувший было руку к посудине, более всего напоминающей стопочку под водку, испуганно (не привык, видать, к подобным вольностям) втянул голову в плечи. Сэм, довольный произведенным впечатлением, хохотнул и реквизировал у него бутылку вместе со стаканом. Поглядел вопросительно на Лисицына, но тот лишь отрицательно качнул головой. Что же, хозяин – барин. Сэм не стал настаивать, вместо этого открыл бутылку и на три пальца набулькал в стакан желтоватый напиток. Вокруг потек ядреный, с детства знакомый Сергею запах самогона.

– Чего изволите?

Это прозвучало так... по-старорусски, что ли, и Сергей с немалым усилием сдержал полезший наружу смех. Повернулся к бармену и одобрительно кивнул:

– Водку с пивом. Взболтать, но не смешивать.

Парни, стоящие рядом и с интересом наблюдающие за своим сержантом, переглянулись:

– Прямо Джеймс Бонд, – едва слышно, в нос хохотнул один.

Лисицын в ответ улыбнулся – так же, едва обозначив эмоцию уголками губ:

– Меня зовут Лисицын. Сергей Лисицын. Но это хорошо, что вы знаете классику своего кинематографа. А еще какие у вас достоинства есть, молодой человек?

– У меня самая быстрая рука в подразделении!

Прозвучало это гордо. Прямо как «я – ворошиловский стрелок» или что-то в этом духе. Сергей пожал плечами.

– Да? А я вот женщин предпочитаю.

На мгновение повисла пауза, а затем Сэм заржал, громко и самозабвенно. Парень, до которого двусмысленность фразы дошла с некоторым запозданием, надулся, покраснел, и... тоже расхохотался. Лисицын мысленно перевел дух. Все, лед был сломан. Дальше с ними можно работать.

– Крис. Крис Такер, – протянул ему руку отсмеявшийся морпех.

– Сэр, да, сэр не добавляешь? – Лисицын прищурился.

– А вы в гражданском... сэр.

– Молодец, уважаю, – Сергей хлопнул его по плечу и развернулся к остальным. – А вы чего встали как не родные? Подгребайте, а то можете и опоздать – после Сэма пива на всех не хватит.

– А ловко ты их, – в ухо ему едва слышно прошептал орк и, громко хлопнул ладонью по животу, уже громче сказал: – Вы его слушайте, он дело говорит. Сколько нам не встретится нормальный паб, ни одна гадалка не скажет.

– Учись, пока я жив, – точно так же шепотом ответил Сергей.

Вечер прошел неплохо. Как только молодняк сообразил, что жесткого прессинга по числу лычек на погонах им никто устраивать не собирается, атмосфера быстро разрядилась. Отчасти этому способствовал и алкоголь, но тут уж Сэм, поглощающий свое виски и почти не пьяневший, ухитрился поддерживать порядок. То есть пили вроде бы все, но при этом всерьез никто

не опьянел. Зато языки развязались, и разговор стал куда более оживленным, что позволило неплохо разговорить их и хоть немного понять, кто есть кто.

Народ, похоже, кто-то подбирал по весьма схожим параметрам. Не в смысле роста, веса и талии, но все же. Хотя, конечно, ростом все удались, да и в талии нет ни одного размером XXL. Нормальные, подтянутые ребята. Без лишних заморочек, похоже – Сергей имел в свое время не одну возможность убедиться, что в некоторых отношениях американцы не слишком отличаются от русских. Такие же изобретательные разгильдяи, в отличие, к примеру, от немцев или все тех же англичан. Во всяком случае, пока не заматерели и не обзавелись кучей великодержавных комплексов и дюжиной неподъемных кредитов.

Так, что дальше... Возраст примерно одинаковый, все молодые. И это, к слову, навевало на весьма поганые мысли, давая почву для неприятных домыслов и кучу вариантов, которыми могли оперировать подбиравшие группу кукловоды. Все, кроме Сэма, люди – ну, это понятно. Как бы ни старалась пропаганда убедить в обратном, орки, гоблины или тролли не слишком надежны, а эльфов на опасное задание калачом не заманишь. Это лежит на поверхности, а вот дальше становится интереснее.

Все морпехи (ну да, формально они – морская пехота, хотя до уровня Сэма им расти и расти) родом из южных штатов. Техас, Алабама, Луизиана... При этом, сколь мог судить Лисицын на основе жалких обрывков информации о географии вероятного противника, не земляки. Все сплошь из разных городов. Люди – они не просто люди, а чистокровные, не имеющие даже в отдаленных предках как минимум до восьмого колена кого-то еще. Никаких тебе эльфов... В Америке сейчас найти подобное не так-то просто. Все гетеросексуалы, девчонки вон так глазами и постреливают. Симпатичные, кстати, девчонки, но суть не в этом. Главное, что в помешанной на толерантности Америке не впихнуть к ним ни одного представителя меньшинств – это уже достижение. И появляется вопрос, кто и зачем напрягался. Далее. Никто из ребят излишним образованием не обременен. После школы – и в армию.

Эти, а также кучу более мелких нюансов следовало на досуге обдумать. А еще Лисицыну не нравился один из морпехов. Почему? Да потому что он врал.

Люди врут всегда, чаще всего неосознанно. Это называется «приукрашивают», но с технической точки зрения разницы никакой. А этот врал. Как минимум об образовании – когда Сергей будто бы невзначай перешел на русский язык, этот парень без усилий его понял. Кто другой бы не заметил, но человеку с базовым образованием врача и пусть небольшим и специфическим, но опытом работы в полиции это бросалось в глаза. А еще чуть иная моторика... Впрочем, как раз это ничего не значило. Может, просто этот юнец в учебке был отличником боевой и политической подготовки. Либо, как вариант, долго и упорно занимался каким-нибудь карате. Стоило бы «прокачать» его на предмет дальнейших несоответствий, но – рано. Хотя... На глаза очень кстати подвернулась муха, целеустремленно ползущая в его сторону по стволу. Мух Сергей не любил. Это была не фобия, а элементарная брезгливость. Но пускай думают, что фобия... Или что русский – придурок.

– Джордж, будьте добры, передайте мне газету.

Сказано это было по-русски, и от глаз Сергея не укрылось, как дернулся парень. Едва заметно, но все же. А потом поднял глаза, демонстрируя непонимание на честном-пречестном лице.

– Что, мистер Лисицын?

Пришлось слово в слово повторить уже на его родном языке, и парень беспомощно оглянулся – ничего похожего на газеты или журналы в пределах видимости не наблюдалось. Зато вмешался его сосед. Как его там? Рэй?

– Газеты – вчерашний день, мистер Лисицын, – блеснул жемчужно-белыми зубами морпех. Слова звучали чуть покровительственно. – Возьмите мой айпад.

– Благодарю, – пожал плечами Сергей. В конце концов, он тут вообще кто такой, чтобы спорить? Приняв из рук американца затянутый в красивый, может даже из натуральной кожи, чехол гаджет, он с чувством прихлопнул им муху и, стараясь не обращать внимания на вытянувшееся лицо морпеха, вернул ему основательно растрескавшийся агрегат. – Но, откровенно говоря, зря вы на них перешли. Не очень удобная штука.

Пауза в несколько секунд – и громовой хохот собравшихся. Даже бармен, украдкой наблюдавший за ними и упорно делающий вид, что необычные гости его ну прямо совсем не интересуют, не выдержал и едва заметно улыбнулся. Над незадачливым владельцем шикарной игрушки даже не смеялись – ржали в голос. А особенно девушки. Что, как ни крути, еще больнее. Вот так, посмотрим, справишься ли ты, мальчик, с нервами. Из равновесия тебя вывели, это точно.

Увы, в этот момент его отвлекли. Одна из девушек нетерпеливо потерела Сергея за рукав и поинтересовалась:

– Мистер Лисицын, а где вы так здорово выучили английский? Мне приходилось общаться с русскими – так у них у всех ужасный акцент.

– В армии, красавица, в армии.

– Да? – собеседница чуть зарделась. Очевидно, делать такие откровенные комплименты в их среде было не принято. – Я и не знала, что у вас настолько хорошо готовят солдат.

– Готовят. Тех, кто хочет чему-нибудь научиться. А учиться приходится всегда – сами знаете, времена пушечного мяса прошли, интеллект же в современной войне...

Он сделал многозначительную паузу. Все поняли. Или сделали вид, что поняли. Распространяться же о том, что служил в элитной дивизии, которая больше времени проводила в рейдах по Африке, чем дома, и где знание нескольких языков необходимость, он не собирался. Но девица не отставала.

– А чему еще вас учили?

– Многому... Например, я до сих пор неплохо помню карту Америки. Вплоть до того, по какой дороге в какой город удобнее всего попасть.

– Зачем? Ведь есть навигаторы...

– А представьте себе: навигационные спутники выведены из строя, интернет умер, а вашу роту по какой-то причине высадили в паре сотен километров от заданной точки. Транспорт добыть не проблема, да и свою «броню», наверное, скинут. Но надо сориентироваться на месте и добраться до точки назначения – задачу-то никто не отменял.

– То есть...

Девушка осеклась, и ее глаза стали вдруг большими и круглыми. Лисицын медленно кивнул:

– Да, девушка, ты правильно поняла. Нас готовили к войне с Америкой, равно как и вас к войне с нами. Только нас готовили лучше.

– Так уж и лучше! – вскинулась она. Нормальная реакция, здоровый патриотизм, инстинктивное отторжение того, что кто-то может быть круче твоей страны. Это, к слову, неплохо, с таким можно не бояться встать в бою спина к спине. Но осадить все же нужно – так, чтобы знала, кто тут старше.

– Вы мне не верите, мадемуазель? Зря. Не прошло и ста лет, как наши предки в последний раз поглумились над западными ценностями. В сорок пятом, на Красной площади, когда топтали немецкие флаги. И немного до того, когда гнали обделавшихся от ужаса пленных по улицам Москвы³. Хе-хе, за ними пришлось дорогу отмывать. Вы хотите повторить судьбу тех немцев?

---

³ На самом деле там все чуть проще. Пленных кормили достаточно прилично, но не «от пуза». А перед тем, как прогнать по улицам, выдали усиленную пайку, не пожалев консервов. В результате немцы капитально маялись желудками, и многие

Девчонка замолчала, видимо, пребывая в легком охренении от подобных аналогий, но ее место тут же занял невысокий, лобастый крепыш с наголо выбритой, потемневшей от загара головой.

– Мистер Лисицын, а вы бывали раньше за границей?

– Конечно.

– А разве вас выпускают?

– Ваши сведения устарели лет на пятьдесят, а то и больше, – рассмеялся Сергей. – Бывал в детстве, с родителями, бывал и позже.

О том, что позже – это или на танке, или шагая по улицам чужих городов с автоматом в руках, он промолчал, естественно. Однако парень не унимался:

– Я слышал, русские очень замкнутые, не любят улыбаться, ни с кем не разговаривают...

Боги, из какой же ты дыры вылез, мальчик, подумал Сергей, а вслух произнес:

– Говорю же, сведения у вас устаревшие. Но раньше да, так и было. Потом прошло.

– А почему?

– Гм... – Лисицын с трудом сдержал рвущийся наружу смех. – Понимаешь, раньше у туриста за границей было три пугала: импотенто, сифилито и замполито. Первое научились лечить, от второго предохраняться, а третье вообще убрали. И теперь каждый наш турист, случись нужда, всегда готов натянуть кого угодно на русское о-го-го.

– А вам не кажется, что вы чрезмерно... неполиткорректны?

– Я, вообще-то, о наших лучших в мире пулеметах. А вы о чем?

– И я... о том же, – ответил американец. И покраснел.

Девчонки фыркнули. Парни тоже не удержались от смешков. Потом та же неугомная патриотка (так и хотелось представить ее в шляпе и на лошади, тем более родом она была из Техаса) выдала:

– Мистер Лисицын, я молюсь, чтобы наши страны никогда не воевали.

– Неискренне молитесь.

– Почему? – кажется, она опешила.

Сергей улыбнулся:

– Девушка искренне молится только в аптеке, покупая тесты. Но, в общем-то, поддерживаю. Ни разу стычки между нашими странами не кончались хорошо ни для одной из них. Так что за мир во всем мире, – и он поднял стакан с поданной, наконец, барменом жуткой смесью. Для него, впрочем, не слишком действенной, тем более соответствующее заклинание он произнес еще по пути сюда. А вот для остальных... Ну, молодежь, подумал он, держитесь. Сейчас я вас научу «ерша» пить...

Капитан перехватил Сергея, когда тот, слегка покачиваясь, шел в свою комнату. Самое обидное, пьян он не был – заклинание фамильной школы нейтрализовало токсины вообще и алкоголь в частности практически мгновенно. Хорошая штука – позволяет выпить хоть ящик водки не пьянея, а наутро не мучиться похмельем. Жаль только, одним из побочных эффектов самого заклинания было расстройство вестибулярного аппарата. Несильное, но от пьяного со стороны не отличишь.

– Всех спойл? – поинтересовался Трумэн вроде бы осуждающе, но с едва слышными оттенками зависти в голосе.

– Обижаете, – хмыкнул Лисицын. – Сэм – не идиот со мной наперегонки квасить. А остальных да, напоил малость.

– Зная тебя... Они хоть завтра в себя придут?

во время марша буквально гадили под себя. Так что поливальные машины, замывавшие их следы, исполняли не только психологическую, но и элементарно гигиеническую функцию.

– Может, и нет, – безразлично пожал плечами Сергей. – Если кто-то будет не в состоянии лететь, значит, мы хоть частично избавимся от балласта.

– Ну ты... Ну я им...

– Не ругай молодых, – Сергей улыбнулся. – Им так хотелось перепить русского! Ну, флаг им в руки...

То, что его спиртное практически не берет, Лисицын говорить не стал. Впрочем, и легендарной репутации хватило. Трумэн лишь поморщился:

– Доигрались, настоящие мужчины. Пойдем, поговорим?

Апартаменты, в которых поселили Трумэна, заметно отличались от занимаемых Сергеем. В лучшую сторону, конечно. Ехидно прокомментировав, что «начальство себя не обделит», Лисицын реквизировал из холодильника банку пепси и с размаху рухнул в глубины удобного кожаного кресла, издавшего от неожиданности жалобный писк.

– Жучки вывел?

– Да...

– Сейчас проверим, – Сергей осторожно снял с шеи амулет, доставшийся ему когда-то в качестве взятки. Точнее, им расплатился один товарищ по участку, которого Лисицын застукал на служебном месте со свидетельницей в процессе, так сказать, неформальных отношений. Он бы и так промолчал, но если буквально впихивают в руку полезную цацку – почему бы и нет? Тем более штука хоть и не раритетная, но в свободном доступе такую вряд ли найдешь.

Серебристый кристалл чуть запульсировал, отзываясь на прикосновение. Слегка сжать в пальцах... Все, теперь электронику на двадцать метров вокруг хватил паралич. Через пару часиков оживет, конечно, но не раньше. Правда, до завтра амулетом больше не воспользоваться, время перезарядки без малого сутки. Легкое шевеление пальцами, активирующее заклинание, и к заглохшим жучкам добавилась печать безмолвия. – Порядок, можно говорить спокойно.

– Ну, что думаешь? – голос Трумэна был под стать его выражению лица.

Лисицын пожал плечами, откинулся на спинку кресла и открыл банку. Колечко распорол тонкую жесть с классическим чпоканьем. Пепси внутри слегка зашипело.

– Что я думаю? – он отпил глоток, кивнул – напиток был совсем неплох. – Я думаю, что хреново. А вот теперь ты мне расскажи, как на духу: ты этих мальчишек сам набирал?

– Если бы, – капитан злобно скривился. – Они ж только-только после учебки, не умеют ничего толком. На черта мне здесь такие?

– То есть тебе предоставили группу... – задумчиво констатировал Лисицын.

– Предоставили... Да меня поставили перед фактом! И с кем придется работать, я узнал только здесь. Одновременно с тобой!

– Не кипишуй, прорвемся. И голос на два тона снизь, я и так все прекрасно слышу. Но и впрямь, все страньше и страньше.

– Угу, – Трумэн явно не знал последних слов, но догадался об их смысле без особого труда. – Еще и база эта...

– Да уж, – хохотнул Сергей. – Шагу нельзя ступить, чтобы за тобой не наблюдала какая-нибудь рыжая лошадиная морда. Кстати, а почему английская? И почему половина геологов англичане?

– Да потому что в этом предприятии они вложились деньгами. Не знаю, насколько, но, судя по тому, с какой скоростью все спешат исполнять их пожелания, они вполне могут иметь контрольный пакет.

– Бизнес не имеет границ... Мне не нравится другое, – задумчиво прокомментировал Лисицын. – У здешнего генерала вид, будто он решил, что жидко обделался, а оказалось, только негромко пукнул. Такое впечатление, он рад-радешенек, что спихнул эту миссию.

– Учитывая привычки островитян – запросто. Ублюдки! Знал бы заранее – отказался б, не раздумывая, и плевать на все.

– Теперь поздно. У тебя приказ, у меня контракт... Из ветеранов у нас ты, Сэм, ну и я, смею думать, кое-что умею. Если что, держимся рядом. Глядишь, отобьемся.

– Знать бы еще, от чего придется отмахиваться.

– На месте разберемся. Один черт, даже если у нас паранойя, так будет проще и легче. А если мы правы, то больше шансов и самим отбиться, и, если повезет, мальчишек вытащить.

– Нам повезет, если мы и впрямь психи, навывдумывавшие себе всякую чушь. Поверь, я обрадуюсь, если окажется, что проблема всего лишь в паранойе. Одно ясно, тяжело будет.

– Я бы на твоём месте не стал брать пример с Кассандры, – хмыкнул Лисицын. – Я-то тебе поверю, а вот мальчишки... У них ветер в голове, шило в ж... и нет понятия, как легко списать людей в безвозвратные потери. Нет, если скажешь, ты для них будешь именно Кассандрой – поверить не поверят, но возненавидят сразу. Так что не стоит изображать ту прорицательницу, лучше играть в тупого вояку. И потом, она плохо кончила.

– Вот как? – удивленно приподнял брови Трумэн. – Вроде бы она осталась жива, по тем временам это уже немало.

– Во-первых, именно что по тем временам. А во-вторых, прожила недолго. Досталась в качестве добычи одному из греческих вождей, предсказала ему смерть и себе вместе с ним. Он, естественно, не поверил. Вернулся домой, где родственники прирезали и его, и Кассандру. Вроде бы прямо на праздничном банкете. Вот так как-то.

– Я даже не помню таких подробностей, – капитан посмотрел на него с нескрываемым уважением.

Сергей важно кивнул. Не станешь же объяснять, что «Илиаду» в стихах он не осилил, как бы ни старались родители. Унылый образчик примитивной античной поэзии вгонял его в тоску. Как, впрочем, и средневековые вирши наподобие баллады о Робин Гуде. Нет, может, для того времени все это было прорывом, но сейчас вряд ли представляло интерес для кого-то, кроме профессиональных историков, литературоведов или особо сдвинутых на древностях ценителей. В результате Лисицын прочитал адаптацию «Илиады», а заодно уж и «Одиссеи», в прозе. Обработанный профессионалом текст оказался неплох, вот только насколько книга соответствует первоисточнику, оценить Сергей не мог при всем желании.

Стук в дверь прервал их содержательную беседу. Сергей вопросительно поднял брови, капитан нахмурился, но комментировать не стал. Вместо этого он решительно зашагал к двери, и Лисицын отметил, что кобура, с которой Трумэн не расставался, расстегнута. Когда он успел это сделать, Лисицын не разглядел, но торчащая из нее рукоять старомодного кольта внушала уважение.

Надежная машинка, и вообще классика не стареет, подумал Сергей, а левая рука его между делом, независимо от сознания, идеально точными движениями сплела в воздухе замысловатый знак. Холодно замерцали висящие без какой-либо опоры белые, дымчато-прозрачные линии. Школа воздуха, непрофильное, однако хорошо дающееся Лисицыну заклинание. А главное, никак с его специализацией не ассоциирующееся. Предки наверняка сделали бы совсем иное и были бы правы, но сейчас тело работало на автомате, выдавая то, что на уровне рефлексов вбили в армии. А там не слишком изощренные, но опытные преподаватели опирались на три кита: быстрее, проще, сильнее. И тут уж правы были они – в открытом лобовом бою родовая школа Лисицына, как, впрочем, и остальные ей подобные, всухую проигрывали стихийникам. Да и трое-четверо не впадающих в панику стрелков с автоматами могли доставить проблем, чего уж там. Как и во многих иных сферах, на поле боя магия проигрывала технологии по критерию «стоимость – эффективность», отходя на второй план. Однако в случаях, подобных нынешнему, она еще вполне могла сказать свое веское слово.

За дверь обнаружился Кобрин, и лицо у него было мрачно сосредоточенным. Он как раз занес руку для очередного постукивания и едва не зарядил Трумэну в лоб. Тем не менее то, что костяшки его пальцев остановились в паре сантиметров от лица хозяина апартаментов, его не смутило абсолютно. Или же просто он умел не показывать эмоций – дипломат, пусть и начинающий, это у них профессиональное.

– Алекс, скажите, мой... э-э-э... напарник не у вас?

– Тамбовский волк тебе напарник, – буркнул в ответ Лисицын, гася заклинание и выходя. – Заходи, Виталий, не стой, как доска в бетоне.

– Мне бы надо с тобой поговорить...

– Это что-то важное? – Кобрин едва заметно кивнул. – В таком случае тем более заходи.

– Почему? – чуть мрачновато спросил дипломат, закрывая за собой дверь.

– Потому что здесь нас хотя бы никто, кроме Алекса, не услышит. А ему, – Лисицын бросил короткий, быстрый взгляд на капитана, – можно доверять. Сейчас мы все оказались в одной лодке.

– Посреди океана дерьма, – буркнул американец. – Проходите, Сергей правильно говорит.

Кресло Лисицын вновь успел занять, опередив дипломата, поэтому гостю пришлось довольствоваться стулом. Хорошо еще с мебелировкой здесь британцы не пожадничали. Машинально взял протянутую Алексом банку с какой-то газированной дрянью (название Сергею было совершенно незнакомым, но в этом не было ничего удивительного – новые бренды появлялись и исчезали регулярно), высосал, как воду.

– Рассказывай, – Сергей ненавидел долгие прелюдии. Особенно когда дело не касалось его напрямую.

Кобрин вздохнул:

– Помнишь мой багаж?

– Это который два человека еле подняли? – в один голос усмехнулись присутствующие.

– Ну да.

– Предусмотрительный ты у нас, однако – столько презервативов взять. Думаешь, сил хватит все использовать?

– Да пошел ты! – Кобрин едва не зашипел от злости. – Ты за кого меня держишь?

– За настоящего мужика и крутого самца. А ты что, против?

– Слушай, хватит, а... Я еще в Москве устал от твоих подколов. Это, к твоему сведению, вообще не мой багаж. В принципе, я даже не знаю, что внутри – ящик надо передать в наше посольство там, на месте.

– Извращение, – хмыкнул Лисицын. – Пересылать что-то с оказией через базу враждебной страны...

– Меня что, кто-то спрашивал? – вновь окрысился Кобрин. – Приказали – и все. Или, думаешь, только в армии приказы не обсуждают?

Учитывая, что в персональной табели о рангах начинающего дипломата ниже военных стояли только амебы, сказанное им сейчас тянуло если не на революцию, то как минимум на крамолу. Растет мальчик над собой, развивается...

Сергей улыбнулся самыми уголками губ:

– Ты не отвлекайся давай. Что там с твоим чемоданом? Сперли?

– Если бы. Там что-то шевелится.

– Угу. Глисты завелись.

– Не ерничай, – Кобрин вдруг как-то очень печально вздохнул. – У меня и без твоих острот голова кругом. Я проверил – он не опечатан.

– В смысле?

– В прямом. Сама печать вроде есть, но это имитация. Хотя очень качественная. Поверхностный осмотр выдержит, но открыть кофр не помешает.

– Понятно. Алекс, – Лисицын повернулся к капитану. – У тебя еще один пистолет найдется? Так, на всякий случай.

Кто-то сказал бы, «паранойя» и, возможно, даже был бы прав. Трумэн же просто достал оружие, такой же, как у себя, кольт знаменитого сорок пятого калибра и протянул его Сергею. Тот быстро осмотрел оружие, дослал патрон в ствол и повесил на пояс кобуру. Хорошую кобуру, надо отметить – в меру мягкий пластик, шершавый изнутри. Такой не сгниет, не раскиснет, и оружие из него достать легко, но просто так оно не вылетит. Плюс две запасные обоймы в аккуратных кармашках. Весит тоже немного, хотя, с учетом общей массивности пистолета, это не так уж ощущается.

– Смотрю, знакомая игрушка? – чуть брюзгливо поинтересовался Кобрин, явно досадуя на себя, что не попросил оружие первым.

– Доводилось пользоваться. В Африке можно обзавестись самыми разными трофеями. Не переживай, захочешь, и тебе на месте чего-нибудь подберем.

Кобрин фыркнул презрительно и демонстративно спрятал руки за спину. Фу-ты, ну-ты, какие мы дипломаты, однако. А глазенки-то вспыхнули. Хочется тебе такой же brutальный ствол. Ладно, потом сам придешь и попросишь, с усмешкой подумал Сергей и решительно сказал:

– Ну, я готов. Веди, Сусанин. Алекс, ты с нами?

– Разумеется, – отозвался капитан, вставая. – Чтобы я – да упустил возможность осмотреть дипломатический багаж страны-конкурента? Пошли.

Судя по выражению лица, Кобрин предпочел бы обойтись без посторонних, однако спорить не рискнул.

Блок, в котором разместили дипломата, располагался практически рядом, в другом крыле этого же здания. Буквально несколько шагов – но, что характерно, условия размещения были даже лучше, чем у Трумэна.

К слову, техника не работала – судя по изощренному английскому мату, доносящемуся из-за соседней двери, не только у русского, и Лисицын запоздало сообразил, что его амулет накрыл здесь если не всех, то многих. То же показал детектор Трумэна – жучки-то он нашел, однако действующих среди них не было. Оставалось лишь раздавить их физически, после чего наложить печать безмолвия, дабы никто не мог подслушать у дверей или через стены... Уф-ф, не так-то это и просто. По мелочи Сергей наколдовался сегодня изрядно и порядком устал.

Черный пластиковый кофр стоял, похоже, там, куда его дотащили солдаты, и никто его не трогал. Матово-блестящие стенки почему-то выглядели зловеще. Странно, раньше он такого впечатления не производил... Впрочем, Лисицын в последний раз видел его, когда вокруг светило солнце, и ветер вместо того, чтобы дать хоть какую-то прохладу, был удушающе жарким. Сейчас же, в полумраке комнаты, обычная вроде бы вещь казалась чем-то inferнальным, словно гость из другого измерения или же, к примеру, гроб вампира.

Чушь все это, конечно. Выходцы из сопредельных миров редки и выглядят совсем иначе. Того же демона на складе взять... Конечно, можно предположить, что это какой-то новый, ученым раньше не встречавшийся вид пришельцев, имеющих форму, цвет и тактильные ощущения пластикового чемодана. Вот только вероятность этого... В общем, если вечером вам в дверь постучали, можно предположить, конечно, что к вам на чашечку кофе заехал президент, но куда вероятнее, что это престарелая соседка, которую вы затопили. В данном случае вероятность еще меньше. А гроб вампира имеет совсем другие форму и размеры – видали, прихотилось. Так что чемодан – это просто чемодан, и нечего выдумывать ерунду. Куда интереснее, что там внутри.

Они стояли вокруг кофра, разглядывая его, как три грифа возле лежащего зверя, разглядывающие его и рассуждающие – то ли можно уже клевать, то ли тигр вполне живой и

сам ждет, кто первый осмелится приблизиться и попасть ему на ужин. И все трое прекрасно понимали, что рискнуть придется Сергею. Во-первых, потому, что он единственный здесь, кто имеет хоть какое-то представление о магии. А во-вторых, это его прямая обязанность – защищать их непутевого дипломата. В конце концов, ему заплатили еще и за это.

С демонстративным безразличием (и расстегнутой кобурой) он обошел багаж. По кругу не получилось, одной стороной кофр стоял почти вплотную к стенке, однако с трех открытых для обозрения ракурсов ничего особенного не наблюдалось. И ничего вроде бы не шуршало.

– Слушай, Виталий... Может, инопланетные глисты-мутанты тебе приснились? А что – рано встал, долго летели, снаружи жарко...

Почему-то он сказал это шепотом. Так же едва слышно Кобрин послал его на известные всему миру три буквы. Так и запишем – реакция адекватная. Усмехнувшись про себя и чуточку нервно, Лисицын склонился над опечатаваемой замком гексаграммой.

С минуту он внимательно рассматривал печать глазами и, что важнее, сканировал ее магически. Потом, не отрывая от нее взгляда, так, словно обезвреживал готовую взорваться мину, сделал шаг назад:

– Печать настоящая. Но деактивированная. И мне очень хотелось бы знать, у кого хватило сил, а главное, мастерства сделать это.

Вопрос был не праздный. Что такое магическая печать? Да, в сущности, тот же замок. Только ручной, очень тонкой работы. Сложность и прочность изделия напрямую зависят от квалификации и силы мастера, который его создавал. А в МИДе работают хорошие профессионалы, и мощи им не занимать. А будет мало – из амулетов подкачают. Та печать, которую наложили на кофр, была, сколь мог судить Лисицын, средненькой. Без особых изысков и встроенных ловушек, способных отправить взломщика в края вечной охоты быстро и максимально болезненно. Однако это на первый взгляд – все же Сергей не был специалистом по замкам. Обезвредить ту же мину – это да, это он мог. Учен, слава богу, качественно. А тут – одни предположения.

Впрочем, неважно. Даже среднего уровня изделие специалистов такого уровня, как работают на Лешко и Бестужева, далеко выходило за уровень понимания и возможностей самого Лисицына. И тот, кто сумел эту печать деактивировать... Нет. Попадались среди криминальных «самородков» умельцы, способные и не на такое, но все они – штучный товар, по пальцам одной руки пересчитать можно. И для того, чтобы выполнить эту работу, даже Фиме-Отмычке, и даже с полным набором инструментов, потребуется часа два-три. И кто ж его на три часа к охраняемому грузу подпустит, спрашивается?

С другой стороны, на работу Конторы вроде того же ЦРУ или МИ-6 произошедшее тоже не тянет. Те, вскрыв печать и выполнив свою работу, активировали бы ее обратно. Это даже сложнее, чем вскрыть, но технически ничего невозможного. Здесь же печати лишь придали вид действующей, причем достаточно топорно, это видел даже посредственный маг вроде Сергея. И как же, спрашивается, такую наглость понимать?

В чемодане зашуршало...

– Все назад, – одними губами приказал Лисицын.

Как ни странно, его и услышали, и умничать не стали. Отскочили назад как ужаленные, причем в руке у Трумэна словно бы сам по себе материализовался пистолет. Бессмыслица, отстраненно подумал Сергей. Если то, что шуршит в ящике, до сих пор не вылезло и никого не съело, какова вероятность, что оно займется этим именно сейчас? Тем не менее руки действовали независимо от сознания – пистолет в правой, сероватое облако боевого заклинания вокруг левой. Пожалуй, сейчас он мог бы оказаться смертельно опасным даже для танка со стандартной антимагической защитой.

Шорох больше не повторялся, и гробовая тишина, воцарившаяся в комнате, давила на нервы, как могильная плита.

– Затаилось, – голос Кобрина был едва слышен. Как шелест гонимого ветром сухого листка.

Сергей повернулся, отметил, что парень бледен, как мел, но бежать, похоже, не собирается. Не трус, уже радуется. Рукою вперед он протянул ему пистолет:

– Возьми. Мне рука свободная нужна.

Жеманиться дипломат не стал, взял оружие, и по тому, как он это сделал, Лисицын моментально определил – пользоваться умеет. Не мастерски, но умеет. Уже неплохо. Продолжая держать наготове заклинивание, он практически беззвучно открыл замки, рывком откинул крышку и тут же ушел в сторону, чтобы не перекрывать товарищам линию огня. И лишь после этого смог понять, что же там шуршало.

В кофре, поверх каких-то тщательно упакованных пакетов, лежала девушка.

М-дя... Худощавая, но не болезненно, а, скорее, подтянутая, спортивная. Видно, что лежать девушке неловко – при всех запредельных габаритах кофр все же маловат, и позу ей пришлось выбрать не самую удобную. Видимо, пытаясь хоть как-то повернуться, она и шебуршалась. Джинсы, футболка... На вид лет шестнадцать, волосы черные, но у корней, там, где они успели чуть отрасти, почти молочной белизны. Кожа смуглая, зеленые, как изумруды, глаза болезненно щурятся от хлынувшего внутрь света.

– Ничего себе няша... – Это уже Кобрин. Разом всю осторожность растерял. Пистолет опустил, глаза выпучил... И, если он, Лисицын, хоть что-то понимает в этой жизни, сейчас будет ему отповедь.

– Няша – дно высохшего озера, заполненное тиной и грязью, болотистая местность на севере Европейской части России. Просто, чтобы вы знали... – с этими словами девушка вылезла из кофра, покрутила головой, пару раз присела, разминая затекшие конечности, повернулась – и нос к носу столкнулась с Сергеем.

– Так, Мария. Это как понимать? – очень вежливо спросил Лисицын, про себя считая до ста и намереваясь потом сделать то же самое в обратном порядке. Чтобы, значит, хоть чуть-чуть успокоить нервы. А то можно ведь со злости и огнем пыхнуть. Случилось однажды наблюдать, как пограницы выкуривают из пещеры засевших в ней и упорно не желающих сдаваться то ли террористов, то ли контрабандистов, то ли обычных бандитов с помощью служебного дракона. Тот, помнится,дохнул огнем, и через секунду сразу из всех щелей и парочки соседних пещер вырвались снопы пламени. Так вот, сейчас у Лисицына было ощущение, что он сможет как минимум не хуже.

– Все потом! – сестра – а это была именно она – сделала страдальческое лицо. – Где здесь туалет?

– А что, памперсы забыла?

– Да, не подумала, – с вызовом ответила Машка. – Так что, мне прямо тут лужу сделать? Вонять ведь будет...

– Т-там, – Кобрин от волнения начал слегка заикаться. – Я провожу...

– Угу. И ширинку, может, расстегнешь? Рукой махни, я сама дойду.

Прихватив какой-то пакет, она походкой манекенщицы (хорошо знающий ее Сергей предположил, что это следствие все еще сведенных от длительного пребывания в неудобной позе мышц), с высоко поднятой головой удалилась в санузел. Мужчины, оставшись в одиночестве и разом пришедшие в себя, дружно переглянулись.

– Ты ее знаешь? – Кобрин первым задал этот вопрос. Что же, приходилось отвечать.

– Да, это моя сестра, – с неохотой буркнул он. – Правда, ума не приложу, откуда она тут взялась.

А также каким образом сумела узнать, куда он отправится, вскрыть запечатанный багаж, да и вообще до него добраться. Но Кобрина волновал, как оказалось, совсем другой вопрос.

– Послушай, я все понимаю. Но ведь она – дроу!

– Во-первых, полукровка, ее отцом был светлый эльф. А во-вторых, ты что – расист?

Кобрин заткнулся, переваривая обвинение – для дипломата это звучало почти как констатация непрофессионализма. Им по долгу службы то и дело приходится общаться со всяким дерьмом. И надо быть готовым любому дружелюбно улыбаться во имя высших государственных интересов. Сам Лисицын так не смог бы, в такой ситуации для собственной нервной системы полезнее достать пистолет и пристрелить оппонента. А вот дипломаты ничего, справляются. За это Лисицын их уважал и подготовке завидовал. Так что расизм, во всяком случае, открытый, тут недопустим в корне, и неудивительно, что Кобрин предпочел не развивать тему. Зато влез Трумэн:

– Сергей, я понимаю, что она твоя сестра, но ты же чистокровный человек. А у нее по обеим линиям эльфы. Как она может быть твоей сестрой?

– Насчет чистокровности не знаю. Сейчас вообще об этом глупо рассуждать, неизвестно, кто затесался в родню пятнадцать-двадцать поколений назад. Даже фашисты, помнится, дальше бабушек-дедушек не заглядывали. Или прабабушек? Не помню. Да и неважно это, принцип, думаю, ясен.

– И все же?

– Помнишь аэропорт, в котором мы познакомились?

Трумэн кивнул – такое забудешь...

– Помнишь орка, который пытался взять в заложники ребенка? Ее родители тогда погибли. Ни сами эльфы, ни кто другой ею не интересовались. Что ее, бросать? И с тех пор у меня есть сестра. Виталий, не надо смотреть на меня такими большими, такими охреневшими глазами. Твои боссы все это отлично знали. Если сам не позаботился уточнить, это исключительно твой косяк. Еще вопросы?

– Как она сюда попала? – снова влез Кобрин.

– А вот выйдет – у нее и спросим.

Ждать пришлось долго – наглая девчонка решила не только воспользоваться санузелом, но и принять душ. Учтывая, как она сюда добиралась, вполне понятное желание. Сменные шмотки она, как оказалось, прихватила с собой, бестолочь предусмотрительная. А потому, когда Машка, вся посвежевшая и благоухающая, вышла из санузла, мужчины успели не только успокоиться, но и разорить имеющийся здесь же бар, приняв граммов по «стописят» для нервов.

Очевидно, когда их изучающие, немного мрачные взгляды скрестились на ней, девушка это почувствовала. И тут же, не теряя даром времени, перешла в наступление.

– И что вы на меня так смотрите? Вы во мне сейчас дыру протрете. Особенно ты, озбоченный.

– Кто, я? – немного обалдевшим голосом спросил Кобрин.

– Ну конечно. Кто мне предлагал ширинку расстегнуть?

– Вообще, ты сама ему это предложила, – давясь от смеха, заметил Сергей.

– Я лишь озвучила его сокровенные и потаенные мечты. Извращенец...

Кобрин залился краской до кончиков ушей. Хе-хе, а ведь не так уж и не права была вредная девчонка.

– Ладно, на правах старшего брата я настучу ему по морде. Потом. Может быть. А теперь рассказывай, как ты сюда попала.

– Как-как... Вскрыла печать. Не хлопай ресницами, это женское, тебе не идет. На самом деле, печать вскрыть ничуть не сложнее, чем пароль твоего компьютера. Тяжелее было ее на место приладить изнутри. Там ничего не видно, и пластик какой-то тупой, все искажает...

Ну да, иначе она бы его так присобачила – хрен бы мы обнаружили, подумал Сергей. Вот ведь... И не подумал, что принцип установки печатей и в самом деле похож на программиро-

вание. Разве что вместо электроники в ход идут собственные ресурсы мага. А ни талантами в этой сфере, ни умением потрошить чужие компы Машка никогда обделена не была.

– Как вас называть, юная леди? – вежливо поинтересовался из своего угла Трумэн. Он сидел в кресле, с видом знатока маленькими глотками пил довольно посредственное вино из высокого прозрачного бокала и выглядел довольным жизнью.

– Мария. Маша тоже можно.

– А полностью?

– Мария Элеонора Джессика... – начал Лисицын, однако сестра резко прервала его:

– Маша. Все. Еще вопросы?

– Как ты вообще узнала, куда я отправляюсь?

– Сереж, ну это же просто, – вот, спрашивается, как она, несмотря на десять лет разницы в возрасте, ухитряется иногда разговаривать с ним, как с маленьким. – Ты, когда уезжаешь куда-то, всегда мне говоришь. А тут сплавил меня к бабушке, а сам смыться захотел. Мне мама по телефону рассказала, что у тебя командировка. Ну, я два и два сложила. Влезла в базу данных аэропорта, узнала, на каком самолете ты летишь. Я на нем же была, ты меня не видел просто.

– Почему, интересно, – пробормотал Лисицын себе под нос. Вопрос был не праздный – отвести ему взгляд было не так-то просто. Один из плюсов его магической специализации. Впрочем, Машка же об этом знала.

– Платье. Я его ношу редко, ты не привык. Еще парик. Я думала, из-за этой пакли волосы обрезать придется, еле справилась. Очки. Бутафорские, с простыми стеклами. Тяжелее всего было следить за тобой и на глаза не попасться, но я справилась. Ну а дальше дело техники. Уже в московском аэропорту, когда вы собирались лететь сюда, я отвела глаза паре недоумков, да и залезла в этот ящик.

Получается, на взлом печати у нее ушли считанные минуты. Лисицын уважительно хмыкнул, а Кобрин внезапно расхохотался:

– Ну что, сделали тебя, как младенца, а?

– Да уж... – не признаваться же, что сестре это удастся с достойной лучшей применением регулярностью. – И что теперь с ней делать? Выпороть?

– Но ведь я правда молодец? – с умильным выражением лица поинтересовалась девушка.

– Молодец, молодец... Талантище!

– Вот! Ты в кои-то веки признал мои достоинства...

– Больше всего, – печально сказал Лисицын, – мне сейчас охота настучать тебе по бестолковке. Чтоб, значит, поняла, наконец, как брата до инфаркта доводить, бестолочь...

Договорить ему не дал звонкий смех Трумэна. Капитан даже не смеялся, ржал на грани истерики, так, что в уголках глаз его выступили слезы.

– Прости, – выдавил он сквозь позывы смеха. – Ты неправильно формулируешь. Эта девчонка не бестолочь, она умнее любого из наших умников. Просто она еще по малолетству дура.

– Сам дурак, – окрысилась Машка. – И уши у тебя квадратные.

– Теперь я понимаю, откуда у тебя такой паршивый характер, – громким, чтобы все слышали, шепотом провозгласил Кобрин. – С такой сестрой не то что всех вокруг до инфаркта доведешь – сам на стенку полезешь.

– Нет, это я на нее плохо влияю. Пока не выросла, такая спокойная была девочка!

– Самокритикой балуемся? – влезла Машка.

– Есть малость...

– Не стоит. Грустить вредно для здоровья.

– Так, Пушкин дописался, Гагарин долетался. А ты у меня сейчас договоришься.

– И что? Ремнем учить можно, только пока ребенок помещается поперек кровати, а я из этого уже выросла.

Сергей промолчал, ему надо было пару минут, чтобы обдумать ситуацию. Кобрин, не любивший оставаться на вторых ролях, тут же влез. На свою беду.

– Девушка, мы не встречались в прежней жизни?

– Нет. Хотя козлы мне и там попадались.

Булькающий звук, который издал в ответ дипломат, был непередаваем. В углу давился смехом американец. Лисицын ограничился хмыканьем:

– Это она еще спокойная. Но ты аккуратнее. А то ляпнешь какую-нибудь хрень, и получится, как с нашим прапором в учебке.

– В смысле?

– Понимаешь, со мной вместе призывался один парнишка, интеллигентный-интеллигентный. Филолог, аспирант. Что-то с диссертацией у него не срослось – и попал он к нам. Так вот, буквально в первый же день прапорщик сказал: «Был у меня в роте один хрен...» А этот умник его поправил: «Не в роте, а во рту». Так потом неделю ходил с подбитым глазом. Это я к чему. Поверь, за ней... – Сергей кивнул в сторону усмехающейся сестры, – не заржавеет вломить ничуть не хуже.

Трумэн, чье владение русским было далеко от совершенства, филологических тонкостей не понял, а вот Кобрин разом загрустил. Машка, слышавшая эту байку уже не в первый раз, деловито хмыкнула и потерла кулак. Лисицын выдержал театральную паузу и махнул рукой:

– Ладно, господа, хватит заниматься ерундой. Давайте подумаем, как ее назад отправить.

– Э-э, я не поеду...

– Да куда ж ты, милая, денешься? Или ты думаешь, тебя кто-то с нами отпустит? Ты даже не знаешь, куда мы...

– Знаю, – перебила его сестра. – Уши у меня есть, а разговаривали вы в полный голос.

Это да, уши у нее на месте. И слух эльфийский, то есть абсолютный. Даже удивительно, что вместо фортепьяно она в свободное время лабает на гитаре, а год назад Сергей буквально со скандалом запретил ей играть в какой-то подвальной рок-группе.

– Тогда тем более должна понимать, что никто тебя туда не пустит.

– А кто мне запретит? У меня тамошнее гражданство с рождения, и никто его не отменял.

– А то, что там власть за это время раз восемь сменилась, и никого, кроме орков, считай, не осталось, ты подумала? Они таких, как ты, очень любят. Или жареными, или во все щели. А бывает, и то, и другое...

– К сожалению, она права, даже если не права, – вмешался Трумэн. Все удивленно повернулись к нему.

– Говорят, русский язык загадочный, – осторожно заметил Сергей. – А вот я тебя не понимаю...

– Мы на английской базе. Если о твоей сестре узнают... В общем, я даже не представляю, какие могут быть последствия и чем все обернется. Ее необходимо вывезти отсюда, причем тайно. А значит, она полетит с нами, другого варианта нет. Только, Мария, тебе придется добираться до места в том же ящике. Потерпишь?

– Долго терпела. Справлюсь.

– А вот там уже можно будет думать о том, как тебя домой сплавить, – мстительно добавил Кобрин. – Я договорюсь в посольстве...

– Нет!

– Да, – ответили все трое в один голос.

– Но я... – тут она повернулась к брату, и глаза ее предательски заблестели от слез. Безотказное средство, только не сейчас. – Сережа, ну... Мне что, так и расти тепличным цветочком?

– На подвиги тянет? – холодно поинтересовался Лисицын.

– А если да – тогда что?

Вызов в ее голосе звучал явственно. Не хватило ей смирения, чтобы продолжать изображать расстроенную грубыми мужланами девочку. Теперь перед Лисицыным сидела прежняя Машка, прохиндейка и язва. Восстановление ее душевного равновесия, конечно, радовало. А вот все остальное – нет.

– Знаешь, сестренка, – проникновенно сказал он. – Ты у нас, конечно, почти взрослый человек, сформировавшаяся личность со своим мнением по поводу и без, но послушай один раз старшего брата. Не стоит тебе лезть в это дерьмо. Хватит с нас того, что я навоевался по полной. Кроме дырок в шкуре я с этих пострелушек ничего не привез. И если тебя подстрелит какой-нибудь урод с интеллектом ниже среднего, кому от этого будет хорошо? Тебе? Мне? Или, может, бабушке да матери? Все, заканчивай с ерундой. Можешь думать, что хочешь, но я против.

Пауза, возникшая после его слов, затянулась, и Лисицын тут же ей воспользовался.

– Все, дискуссия окончена. У нас впереди ужин, чего-нибудь тебе принесем. В коридор тебе выходить нельзя, так что ночуешь здесь. Виталий, если что, – тут он поднес к носу дипломата свой внушающий уважение кулак. – Имей в виду, я не шучу.

Кобрин сглотнул, поморщился и кивнул. Сергей мысленно усмехнулся: вот так-то лучше. Во всяком случае, безопаснее для всех – Машка, случись что, его просто искалечит. Может даже, и убьет – в конце концов, Лисицын сам ее учил. А им потом разгребай проблемы. Сейчас же не рискнет, будет вести себя, как джентльмен. А то ишь, глаза сальными сделались. Извращенец...

Вылет был назначен на раннее утро, по местному времени еще и шести не было. Хорошо еще, в отличие от гражданских аэропортов, не требовалось прибывать заранее и долго, маясь от недосыпа, стоять в очереди на регистрацию. Просто за полчаса до отлета все те же грузчики в военной форме загрузили их вещи в кузова пары здоровенных пикапов и отправили к самолету, а за людьми подогнали две машины – шикарный минивэн за комсоставом и микроавтобус попроще. В эту машину, призванную служить транспортным средством для рядовых членов экспедиции, Сергей и забрался.

Поприветствовав Сэма и остальных парней, он плюхнулся на сиденье и с чувством, не скрывая желания подремать еще минут эдак триста, зевнул. Судя по тому, как двое или трое произвольно повторили это действие, собравшиеся разделяли его желание.

Увы, водитель, невысокий шустрый орк, каковых в Британию в свое время понаехало из колоний немало, воспринял происходящее по-своему. Возможно даже, из лучших побуждений, решил, так сказать, подбодрить пассажиров. Но когда на весь салон громыхнул и вмазал по ушам низкопробный рэп, все, даже Сэм, которому эта какофония, можно сказать, была родной и близкой, дружно подпрыгнули на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.